

АЛЕКСАНДР СТАРОВЕРОВ

ЖИЗНЬ:
ВИД
ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ
С
БОКУ

Александр Староверов

Жизнь: вид сбоку

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Староверов А. В.

Жизнь: вид сбоку / А. В. Староверов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-699-95849-8

В новую книгу Александра Староверова вошли рассказы и повести, в которых есть одно общее свойство – предельная честность. Герои его произведений признаются в таких грехах, о которых многие предпочли бы умолчать, в таких победах, которые большинство постаралось бы спрятать. Зато и открытия, которые суждено сделать этим принципиальным правдолюбам, недоступны людям, живущим в пространстве полумер и полуистин.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95849-8

© Староверов А. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Эдем: туда и обратно	6
Waterman	12
Продавцы ручек	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Староверов

Жизнь: вид сбоку

Художественное оформление серии *П. Петрова*

© Староверов А., текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Эдем: туда и обратно

До четырех-пяти лет я был сам по себе существо. Рос как полевой цветочек, никого не трогал, и никто не трогал меня. А ближе к пяти я увидел ЕЕ. Она перевернула мою жизнь, на протяжении последующих сорока лет она проделывала это неоднократно, причем в самые разные стороны. А первая наша с ней встреча произошла в химчистке. В очередной раз я пришел туда с мамой. Ничего меня не удивляло: зеленые обшарпанные стены, шуршащие листы серой упаковочной бумаги, груды чистого белья и одежды, дородная тетенька в неопределенного цвета халате, – все это я уже видел раньше. Но именно в тот день я впервые заметил ЕЕ. Нет, вру, сначала я заметил мохнатую коричневую веревочку. Причудливо извиваясь, она тянулась из-под прилавка, за которым стояла дородная тетка, и заканчивалась тугой петлей, опоясывающей удивительный предмет. Что-то продолговатое, желтое, с синим наконечником и острым металлическим жалом. Как я раньше не замечал такую интересную вещь – не знаю. Сейчас бы ее назвали, скорее всего, статусной, еще бы – не будут же всякий мусор привязывать красивой веревочкой. Я вообще не видел, чтобы в семьдесят шестом социалистическом советском году что-либо привязывали. Или внимания не обращал. Проблемы у меня были тогда со вниманием. Но в тот день я обратил, и судьба моя, как я понял впоследствии, определилась. Люди, стоящие в очереди, относились к удивительному предмету с огромным уважением, аккуратно устраивали его в ладони, почтительно обнимали пальцами и водили им по маленьким разлинованным бумажкам, оставляя прихотливые синие следы. Только после этого люди могли получить или сдать приемщице вещи. Так, наблюдая за поразившим меня ритуалом очень рано, в свои почти младенческие годы, я понял, что в начале было слово... А точнее, ручка... Да-да, окружающие меня люди ласково называли могущественный предмет ручкой.

– Передайте, пожалуйста, ручку... не видели ручки здесь, ах вот она... что-то ручка у вас плохо пишет...

Пока мама заворачивала в серую бумагу полученную одежду, я незаметно пробрался к ручке и, скопировав жест взрослых, провел ею по лежащему на прилавке бланку заказа. Результат оказался магическим. Только что не было ничего – и вдруг черта, я провел еще раз – получился крест, еще несколько раз – снежинка, обвел снежинку по кругу – колесо от велика со множеством спиц. Ручка превратила меня в волшебника, она позволяла изменять реальность, да чего там, она позволяла эту реальность творить. Я не мог удержаться, не мог расстаться с неожиданно обрушившейся на меня силой. Ловко вытянув ручку из веревочной петли, я положил ее в карман. Несколько дней я тайно наслаждался сокровищем. Даже не рисовал, просто смотрел на нее и представлял, что рисую. Это оказалось еще интереснее, словно воровская отмычка, ручка взломала воображение, и я обрел могущество. В детском саду мы каляли что-то карандашами, да и дома у меня были краски, но до встречи с ручкой я не мог воспринять эти занятия серьезно. Видимо, мне как будущему образцовому члену общества потребления необходима была инициация. За каляки-маляки ничего, кроме снисходительного одобрения взрослых, не получишь, а за ручку давали кучу красивой и нужной одежды в химчистке, по крайней мере я тогда так думал. Фантазии современного человека стимулирует малодоступное, но такое сладкое потребление. На этом построена вся рекламная индустрия. Я опередил свое время. Осознав практическую ценность ручки, я провалился в творчество и на третий день, не удержавшись, разрисовал только что поклеенные обои в единственной комнате нашей квартиры. За каких-то двадцать минут, пока мама готовила на кухне ужин, мне удалось изобразить на стенах все свои мечты. Там ездили, стреляя огненными снопами, игрушечные танки, бежали пластиковые солдаты, мчались гоночные машины, балансировал на проволоке почти взрослый (не трехколесный) велосипед, ближе к

окошку возвышалась гора конфет, покоящаяся на мощном фундаменте из нескольких короб с зефиром в шоколаде. Вполне возможно, для стороннего наблюдателя мой натюрморт выглядел как нелепые каракули обезумевшего абстракциониста, но для меня он был самой настоящей реальностью. Реальней, чем настоящие игрушки и сладости. Более того, каждый предмет имел свою историю. Я не только изображал его – рисуя, я бормотал под нос заклинания. Вот этот танк мне подарил Дедушка Мороз, потому что я хороший мальчик и весь год слушался родителей. Он, правда, сначала не хотел дарить, имелся за мной грешок в виде разбитой хрустальной вазы, но я спас дедушку от огненного разбойника по имени Лето, закидал его снежками, превратил в снеговика и тем самым обеспечил наступление нового года. Простил меня Дед Мороз: кинул танк под елку, и конфет, и зефира любимого. А велик мне мой родной дедушка подарил, просто так, ни за что, любит потому что очень. А гоночные машины, о это отдельная история... Рисунки смешивались с моими нелепыми фантазиями, обретали плоть и становились несокрушимо настоящими. За двадцать минут комната превратилась в пещеру с сокровищами. И только ручка смогла открыть этот волшебный сим-сим.

Много позже, уже взрослым, рассматривая альбом с наскальной живописью первобытных людей, я поразился сходству их стиля с моими первыми рисунками. Видимо, так и возникло искусство, параллельно с верованиями в духов и магией. Чистый и наивный охотник, инициированный каким-то поразившим его явлением, перепутал фантазию с реальностью и начал творить. Вкусил, так сказать, от древа познания добра и зла... По классике жанра расплата не должна была заставить себя долго ждать. Изгнание из рая и все такое. Не знаю, как у охотника, но в моем случае наказание последовало довольно быстро. В комнату вернулась мама и... Она утверждает, что первый раз в жизни отлупила меня именно тогда. Сейчас-то я ее понимаю, у самого маленький сын-мечтатель, но в тот день я жутко испугался. Я ничего не соображал. За что, почему, зачем мама так ненавидит рисунки, для чего разрушает волшебство? Как и всякий начинающий творец, столкнувшийся с первыми трудностями, я тут же предал свое творение.

– Это не я, – визжал, уворачиваясь от шлепков, – я не виноват, это ручка, ручка во всем виновата...

Воистину, это был один из самых важных дней моей жизни. Вселенная решила преподать мне несколько основополагающих уроков и раскрыть главные законы бытия. Например, такой закон: предательство никогда не бывает эффективным. Услышав про ручку, мама замерла, прекратила меня бить и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросила:

– Какая ручка, ты где ее взял вообще?

– Да вот, желтенькая, она в прачечной на веревочке висела.

Дальше последовало изгнание из рая в буквальном смысле этого слова. Мать заставила меня пойти в химчистку, извиниться, признать себя вором и вернуть волшебную ручку. И это еще полбеды. Ужас заключался в том, что я должен был проделать все это в полном одиночестве, без ее сопровождения. То есть выйти из двери квартиры, спуститься на три этажа ниже на улицу, пройти двести бесконечных метров до соседнего дома, зайти в прачечную, отдать себя на суд чужой дородной тетеньки в неопределенного цвета халате и потом, если она меня не сдаст в милицию, тем же путем вернуться домой. По степени опасности это путешествие было сравнимо с первым полетом человека на Луну. Но намного, невообразимо во сколько раз опаснее. Шансы по итогам путешествия остаться живым, здоровым и на свободе представлялись мне минимальными. И все из-за проклятой ручки. Я просил, я умолял, я цеплялся за мамины колени и клялся, что никогда не буду больше воровать. Бесполезно, она вышвырнула меня за дверь, заперев ее на все замки. Ворота эдемского сада захлопнулись навсегда. Впереди меня ждал оглушительно страшный мир. «В слезах и поте лица своего будешь добывать ты хлеб, а в конце своих дней умрешь в мучениях». Я дерзнул,

я сорвал не полагающийся мне плод познания и теперь расплачивался по полной. Конечно, я тогда так не думал, я и слов таких не знал, но чувствовал я себя именно так. Маленький и глупый потомок Адама, я шел навеки проторенной им дорогой и повторял все его ошибки. Несколько минут я рыдал у захлопнувшейся двери, стучал крошечными кулачками по коричневому дерматину и дергал за тугую рукоять замка. Ничего не помогало. В конце концов осознав, что рай потерян безвозвратно, очень аккуратно, маленькими шажками я двинулся вниз по лестнице. Никогда раньше я не выходил из дома без сопровождения взрослых. Я даже не думал, насколько страшен мир, наоборот, он мне казался дружелюбным и довольно милым. Ни фига подобного: каждый звук, каждый скрип пугал, каждая трещинка в асфальте казалась глубокой пропастью. Я маленький и слабый, любой может сделать со мной все, что угодно. И это, кстати, правда, во всех сказках детей воровали и обижали злые колдуны и колдуньи, их ели людоеды, превращали в белых лебедей, похищали разбойники, травили сонным зельем и уносили за тридевять земель. Да они только чудом и спасались. Как я преодолел двести метров до прачечной, не понимаю до сих пор. По-научному выражаясь, мною овладел экзистенциальный ужас бытия. В пять лет, постарев разом на несколько десятилетий, я почти сформулировал мой любимый закон Сартра: «Ад – это другие». Особенно жутко стало, когда на полдороге ко мне, рыдающему крупными, величиной с горошину, слезами подошла благообразная и обманчиво добрая бабушка.

– Деточка, – спросила она меня ласково, – ты почему плачешь, маму потерял, да? Пойдем со мной, мы быстро твою маму найдем. Пойдем, деточка, я тебя чаем напою с печеньем, успокоишься, вспомнишь, где мама. Я тут недалеко живу, пойдем...

Ага, как же, знаем мы таких... фильмы смотрели, сказки слушали, пускай не думает, образованные мы. Пойду с ней, а она превратится в злобную ведьму, засунет меня в духовку, запечет с чесночком и сожрет. Фигушки ей! Что есть мочи я припустил от страшной бабки и сам не заметил, как в мгновение ока оказался у двери прачечной.

Открыть дверь и войти было выше моих детских сил. До этого страшного момента не ведал я позора. Перед дверью же в химчистку почувствовал я себя грязным. Мне захотелось спрятаться, укрыться с головой одеялом, исчезнуть, раствориться, вычеркнуть свое существование и страшную ту минуту из времени. Не химчистка была за порогом, а чистилище... Только сейчас с высоты незаметно выросшей горки своих сорока четырех годков я понимаю всю сакральность и символичность того удивительного дня. Место, где грязное становится чистым, приобретает черты легендарного райского сада, мохнатая веревочка – ветка с древа познания добра и зла, ручка – очевидное яблочко, только Евы не хватает. Хотя... дородная тетка-приемщица вполне могла сгодиться на ее роль. Юноши и мужи – романтики в большей степени, чем о них принято думать, любую чувырлу гением чистой красоты объявят, особенно при наличии развитой фантазии. А еще мужчины несомненные трусы, все подвиги, совершаемые ими впоследствии, совершаются именно от трусости. Чтобы и самим себе и миру доказать ошибочность обидной гипотезы... Я испугался. И от испуга стал думать. Возможно, первый раз за свою коротенькую жизнь.

«Меня же никто не видит, – думал я, – можно просто тихонечко положить ручку перед входом и вернуться домой, а маме сказать, что извинился и был прощен. Как она проверит? Спросит у приемщицы? Так когда это еще будет, может, и не будет вообще».

Подумав, я снова испугался, на этот раз своих мыслей. Как можно специально обмануть маму? Нет, нечаянно можно, бывало раньше, но специально? Ужас сковал мои конечности, я не мог пошевелиться... Прошло сорок лет, а я отчетливо помню свои ощущения. Если двумя словами описать, то жуть и святотатство будут самыми точными словами. А еще я помню, как вместе с жутью где-то в районе горла, носа и глаз возникло у меня странное чувство, как будто чихнуть хочется, скорее, приятное. Сладенькое такое чувство... Грех, он сладок. И чем больше, тем слаще. Посмотреть на жизнь под другим углом, растоптать в

себе самое святое. Если под другим углом, то, может, оно и не святое вовсе, а? Ох, как это приятно, чертовски, извращенно, невыносимо приятно... Но не для пятилетнего мальчика такие передрыги... В ступор впадают пятилетние мальчики от столь сильных, не по возрасту эмоций, замирают дрожащими сусликами, врастают в землю и не могут ни на что решиться.

Я решился: аккуратно положил ручку у двери и быстро отскочил на пару шагов. Небо не упало на землю, молния не поразила меня. Я совершил преступление и остался безнаказанным. Так вот оно, оказывается, как устроено. Чтобы выжить в жестоком и страшном мире, нужно крутиться, необходимо нарушать правила, наверняка все взрослые знают и делают это, просто детям не говорят. Обманывают, чтобы послушными были до поры до времени.

Неимоверная гордость распирала меня. Я смог, сумел, я догадался, я совершил преступление и вышел сухим из воды. Да мне теперь море по колено, даже пройти двести метров до дома не страшно. Я теперь не пропаду, я как взрослые, я постиг все тайны мира, я даже лучше, у меня есть преимущество, они думают, что я маленький, глупый ребенок, а я, я... Пару минут я стоял в полнейшем восторге перед ручкой, лежащей у порога химчистки. Что-то мешало мне покинуть место моего триумфа, и тогда я снова подумал. Восхитительное ощущение одержанной победы и непоколебимое чувство уверенности в себе родили мои гордые мысли.

«А зачем оставлять ручку? – внезапно прозрел я. – Никто же ничего не узнает. Можно захватить ее с собой, спрятать, а потом тайно наслаждаться ею. Будет ручка, будет все... все, что я захочу... Накажут – не беда, выбросят игрушки – плевать, нарисую, и все будет».

Гордая мысль усилила щекочущее ощущение и превратила его в самое натуральное счастье. Я поднял с земли ручку и резво вприпрыжку бросился домой. Грехопадение было полным: быстро скатившись по наклонной плоскости, я упал с отвесной скалы. Такими темпами, не добежав до дома, вполне мог бы превратиться в убийцу. К счастью или несчастью, со мной произошло то же, что и со всеми самоуверенными пройдохами, уверовавшими в свою безнаказанность. Тяжелая рука провидения отвесила мне мощный подзатыльник. В буквальном смысле. Чья-то лапа поймала меня за шкурку и звонко шлепнула по шее.

– Ах ты, мерзавец, – услышал я мамин голос, – самый умный, думаешь, всех объегорил? Запомни, ты от меня ничего не скроешь и никуда не скроешься. То, что ты вор, я знала, но ты, оказывается, еще и подлец. Нет, этого я не переживу. Я лучше умру, но сына подлеца у меня не будет.

Дзинь... – со звоном оборвалась только-только натянувшаяся леска у меня внутри, и я осыпался маме под ноги. Ничего не осталось от гордого Прометея, удачно стырившего божественный огонь. Один страх, а точнее – ужас, а еще точнее – ужас и боль. Любое падение делает человека если не лучше, то мягче и понятливее. Я боялся за себя, но это был всего лишь страх. Ужас и боль появились, когда я осознал, что мама умрет и причиной ее смерти буду я. Потому что подлец. Подлез под веревочку, спер ручку и потом, пойманный с поличным, вместо покаяния снова обманул. А мама умрет, противно ей, мне и самому от себя противно, я и сам умер бы, да не знал как.

– Мамочка, не умирай, – заорал я, хватая ее за руки, – не умирай, пожалуйста, я не буду больше подлецом, я никогда-никогда не буду больше воровать, я хорошим стану, только не умирай, пожалуйста!

– Нет, умру, – безапелляционно отрезала мама. – Как же мне жить с таким сыном? Умру, и точка.

– Я все сделаю, я сам умру лучше, только ты не умирай. Умоляю, мамочка...

От затопивших глаза слез мир передо мной расплывался, мир потерял очертания. Мир исчезал, а горе оставалось. Детское, наивное и смешное, но самое настоящее, черное и беспросветное горюшко-горе. Увидев мои страдания, мама наконец сжалилась.

– Ты все понял? – изо всех сил стараясь быть как можно более строгой, спросила она.

– Все, все, все. Я все понял, честное слово, все!

– Хорошо, тогда иди извиняйся перед тетенькой. Скажи ей, какой ты подлец и вор, верни ручку и попроси прощения.

– Один?! – с ужасом спросил я и тут же добавил: – Давай ты со мной пойдешь, рядом просто постоишь, я сам скажу, а ты рядом просто... Страшно мне, мамочка, одному...

– Страшно?! – грозно воскликнула она. – А воровать тебе было не страшно, а хитрить, вместо того чтобы попросить прощения, тебе было не страшно?! Оказывается, мой сын не только подлец и вор, но еще и трус. Нет, этого я не переживу, умру. Вот прямо сейчас возьму и умру, ничего не поделаешь, раз мой сын такой воришка.

Ужас от возможной на моих глазах смерти матери одолел огромный, но все же не такой большой страх за себя, я отцепился от маминой одежды и, как в омут с головой, бросился в двери химчистки.

Внутри было пусто, дородная приемщица за прилавком лениво перелистывала журнал «Работница» и даже не взглянула на меня. Я стоял и не знал, что делать, не хотелось ничего делать, невозможно было пошевелиться, не то что рот раскрыть. От страха снова родилась рациональная мысль. «Может, постоять тихонечко несколько минут, а потом выйти и сказать, что извинился?» Хорошая мысль, не глупая, во всяком случае, но родилась она от страха, а погибла от ужаса. Мама ведь умрет. Нельзя... Возможная смерть матери, боязнь наказания и тюрьмы образовали внутри меня взрывоопасную смесь. Она нагревалась, бурлила, в ней происходили сложные химические процессы, она распирала меня так, что и дышать уже было невозможно. В конце концов я не выдержал и взорвался невиданными до тех пор рыданиями. Я рычал, выл и с шумом пожирал пропитанный чистящими средствами воздух, слезы из моих глаз, словно у рыжего клоуна в цирке, с напором брызгали в разные стороны. Перед собой в вытянутых, побелевших кулачках я держал ручку и сквозь рыки, рыдания и всхлипы повторял одно и то же слово:

– Вот, вот, вот, вот...

Приемщица оторвалась от журнала и обратила на меня внимание. Еще как обратила, застыла сначала от шока на несколько секунд, а потом выскочила из-за прилавка, подбежала ко мне, присела почему-то на корточки, взяла мои протянутые кулачки с зажатой в них ручкой и быстро затараторила:

– Что случилось, мальчик? Ты родителей потерял, тебя обидел кто-то? Да не плачь ты так, не ори, сейчас со всем разберемся. Ты только скажи, что случилось? Что, что, что?..

Она спрашивала – что, что, что?.. А я отвечал – вот, вот, вот... И мне кажется, это продолжалось целую вечность. Эмоциональная тетенька попалась, хорошая, добрая, заразил я ее своими слезами, тоже не выдержала, расплакалась, меня успокаивая. Так и плакали мы с ней вместе, дурацкое, думаю, зрелище, если со стороны посмотреть.

В жизни отсутствует логика, безумие и хаос правят миром. Чаще всего – злое безумие и уничтожающий все вокруг хаос, но иногда... Тогда случилось «иногда». Доброе и глупое сердце (а доброе сердце непременно глупое) подсказало дородной приемщице единственно верную модель поведения. Она проявила со-чувствие, со-переживание, она пожалела меня, и я не умер от стыда и страха. Я просто орал очень долго «вот, вот, вот» и постепенно успокаивался. И она тоже постепенно успокоилась, прижала меня к своей огромной, мягкой и уютной груди, и стояли мы с ней так несколько минут, а потом она прошептала мне на ухо ласково:

– Ну что, что случилось, малыш? Скажи мне, не бойся.

– Случилось, тетенька, – совсем тихо и тоже на ушко ответил я ей, – простите меня, пожалуйста...

– За что тебя простить, глупышка?

Я собрался с духом, выдавил из себя последние оставшиеся слезы и еле слышно выдохнул в мясистое теплое ухо тетеньки страшную правду:

– За то, что я трус, обманщик и вор. Я украл у вас ручку.

Она засмеялась, она целовала меня в мокрые от слез щеки, она всплескивала своими пухлыми руками и гладила ими мою раскаляющуюся от пережитых потрясений голову.

– Ох ты боже мой, – хохотала она, – ручку... это же надо, ручку... такое горе и из-за ручки... да у меня миллион этих ручек, бери сколько хочешь. Пойдем, пойдем, – тянула она меня за плечо, – пойдем я тебе дам.

– Нет, нет, нельзя, – упирался я и мотал головой, – это пре... пере... преступление. Мне мама так сказала, но вы прощаете меня, прощаете, да?

– Ну конечно, малыш, прощаю, ты очень хороший мальчик, ты смелый очень, не побоялся, пришел, правду сказал, и знаешь, что... оставь-ка эту ручку себе, потому что смелость и честность должны вознаграждаться.

И тут я расплакался во второй раз. Ой как мне стыдно стало. Она такая хорошая тетенька, она так обо мне хорошо подумала, а я... я...

– Я не смелый, – тоненьким голоском завыл я, вытирая рукавом слезы, – меня мама заста-а-а-вила-а-а-а...

Приемщица схватила меня на руки, прижала к себе крепко и ожесточенно принялась целовать:

– Бедненький маленький хороший мальчик, – причитала она в перерыве между поцелуями, – как же тебе несладко пришлось, маленький, бедненький, хорошенький... Ты не думай ни о чем, я тебя прощаю, прощаю... Жизнь, она такая, ошибок много делаешь, но покаешься, и люди простят. Люди, они хорошие, это только кажется, что плохие, а на самом деле хорошие... Не бойся ничего, людей не бойся, прощаю я тебя...

Я сидел у нее на ручках, как у Христа за пазухой... еще лучше: как у мамочки на коленках, когда она в хорошем настроении. И ничего мне не было страшно. Отпускало меня. Мир поворачивался ко мне своей доброй, пухлой и ласковой стороной. Не тетенька меня простила, а целый мир. Исчезли мои горделивые мысли, я был не хуже и не лучше мира, я просто принял его со всеми его экзистенциальными ужасами, а он принял меня со всеми моими. За свою последующую жизнь, может, раза три всего я испытывал такой покой, такое счастье и такое слияние со вселенной. Но впервые и сильнее всего тогда, и острее, и ярче... Тогда, в далеком семьдесят шестом советском году, на полных руках доброй приемщицы, в химчистке с зелеными облупившимися стенами, в городе Москве, недалеко от станции метро «Речной вокзал»!

...Да, и еще с тех пор я перестал бояться людей.

Waterman

Когда в семнадцать лет у тебя есть девушка – у тебя есть все. Даже если в сорок у тебя красная «Феррари» и вилла на Лазурном Берегу Франции – это гораздо меньше. Нет, нельзя иметь все в сорок лет. Чисто технически нельзя. А в семнадцать – можно.

Если у тебя есть девушка.

У меня была – и весь мир ласково терся о мои возмужавшие крепкие ноги.

Подумать только, еще каких-нибудь четыре-пять лет назад я играл в солдатики и гонял по двору облупившийся футбольный мяч!

За семьсот тридцать дней до девушки я украдкой, чтобы не застукали учителя, выкурил свою первую сигарету. За три месяца до нашей встречи, с трудом выловив из бачка унитаза пузырь дешевого коньяка, я впервые по-настоящему нажрался на выпускном. И позорно дрожал от страха, между прочим, возвращаясь домой.

Не дай бог родители заметят...

Да что там, всего за девять часов до девушки, первого сентября 1988 года, с трепетом готовясь перейти в новый и волнующий меня статус студента Московского авиационного технологического института им. К.Э. Циолковского, я машинально спросил родителей: купили ли они гладиолусы на линейку. Мама грустно улыбнулась и, погладив меня по голове, сказала:

– Теперь не нужно.

А папа беззлобно, но больно отвесил мне подзатыльник за тупость.

И вот теперь – девушка. Целая. Живая. Теплая. Умеет разговаривать. Говорят, красивая. Сам я тогда не мог понять. Простой, но величественный факт наличия у меня девушки заслонял все остальные, как казалось мне в то время, мелкие нюансы, включая красоту, характер, ум и прочие тактико-технические характеристики чудесного объекта, зовущегося девушкой.

Главное – она моя. И девушка при этом.

Еще вчера меня любили лишь родители. Но они-то обязаны. Родили – значит, любите. Всех любят, тут нечем гордиться.

Еще вчера я сомневался в своей востребованности, впадал в подростковую тоску и меланхолию. Вдруг я никому не нужен? Вполне возможно, я урод или лишний человек, как говорили нам на уроках литературы про героев XIX века. Я смаковал свою неприкаянность и тут же, без перехода, гордо презирал жестокий и неправильный мир. А после – выл от унижения, а потом снова гордился и презирал.

И опять, и снова...

Но это все в прошлом.

У меня есть девушка, и мир в ее лице ласкает меня, мир заключает меня в свои дружеские, и даже более того – любовные объятия. Я достойный, важный и успешный член общества.

У меня есть девушка!

Дело даже не в сексуальном аспекте девушки. В физическом смысле моя первая девушка первой не была. Но тех, которые были до нее, «девушками» назвать язык не поворачивался. Как бы это пообразнее объяснить... ну, скажем – следующая ступень после онанизма. Поприятнее, конечно, но и постыднее. Потому что об онанизме знаешь только ты, а о следующей ступени знает еще как минимум следующая ступень.

Как говаривал папаша Мюллер Штирлицу, «что знают двое, то знает свинья». Молодых свиней у нас на Тишинке было целое стадо, а податливых и на все готовых «ступенек» – раз, два и обчелся. Так что пересечения случались. Иногда заклятые враги встречались на подступах к заветным «ступенькам», краснея, опускали головы и мирно расходились в раз-

ные стороны. В джунглях было водяное перемирие, а у нас, если мягко выразаться, гормональное.

С обретением девушки мой социальный статус возрос неимоверно.

– Ты куда? – спрашивали меня старые дворовые дружки. – Давай мячик погоняем?

– Не могу, – гордо отвечал я. – Мы с девушкой в кино идем.

– Эй, Саня, пойдем пивка попьем? – предлагали новые институтские товарищи.

– Не получится, – притворно горюя, вздыхал я, – моя девушка этого не любит.

И уж совсем убийственно звучал мой ответ на предложение бывших одноклассников прошвырнуться по улице Горького с целью склеить каких-нибудь чувих.

– Оно, конечно, неплохо бы... – как бы колеблясь, размышлял я, – да и у девушки моей сейчас месячные...

В этом месте я делал точно рассчитанную паузу и, насладившись своим величием, строго и по-мужски продолжал:

– Но нет, не могу, люблю я своего котенка. Понимаете?

Никогда позже я не чувствовал себя таким крутым.

И, наверное, уже не почувствую.

У меня был котенок. Котенок ростом сто семьдесят сантиметров, с небесно-голубыми глазами, пушистыми ресницами и выдающейся грудью!

И я мог об этом спокойно говорить.

Меня слушали парни, стоящие на иной ступени социальной лестницы. Они жили впроголодь, они рыскали по Москве с вечно жадными глазами. Отчаявшись, унижаясь и краснея, они шли к девчонкам из своего круга – податливым и за небольшие подарки на все согласным. В крайнем случае они использовали свои руки не только для труда и созидания...

А я, сияющий и недосягаемый, стоял на вершине.

Пропасть между нами была гораздо больше, чем между бомжом и всеми участниками списка Форбс, вместе взятыми. Примерно, как между инфузорией-туфелькой и неандертальцем. Нет, как между бактерией и кроманьонцем. Точно – бактерией и кроманьонцем.

Моим отсталым друзьям еще только предстояло эволюционировать в существа, отдаленно напоминающих мужчину. Тяжелый труд превратил обезьяну в человека, он же трансформировал бледных юношей в суровых мужей. Пускай сначала проутюжат в поисках чувих тысячу раз улицу Горького. Пускай, пытая и потея, выдумывают натужные шутки, когда им повезет и какая-нибудь дурочка не пошлет их сразу. Пускай, униженно кланя у родителей, раздобудут денег на кино и мороженое. Пускай извернутся ужом и организуют, хотя бы на пару часов, такую нужную позарез свободную хату. Пускай, наконец, попробуют уложиться в эти короткие два часа. Уломать, заболтать, уломить девчонку!..

Долог и тернист был путь в мужчины в далеком 1988 году.

Я его прошел и закономерно пожинал плоды трудов своих. Я успокоился, стал благодушно ленивым рантье. Я жил на проценты с капитала, и моим капиталом была моя девушка...

Именно тогда, теплой и солнечной перестроечной осенью, еще до наступления всякого капитализма в России, я познал главную буржуинскую тайну. Я понял и до последней своей жилки прочувствовал ахиллесову пяту будущих баловней судьбы, приватизации и фондового рынка.

Когда имеешь все и жизнь твоя утопает в карамельной патоке удачи, очень боишься это все потерять.

Однажды ночью я проснулся в холодном поту и, неизвестно с чего, вдруг подумал: «А что будет, если она меня бросит?»

Мое тело раскалилось от неизвестной мне доселе лихорадки. Пот мгновенно испарился, и я, сухой и горячий, побежал к телефону звонить своей девушке: хотел убедиться,

что она есть, не приснилась мне, не бросила меня вчера, не ушла в мир, набитый самцами, только и мечтающими о ее невообразимых прелестях!

Как скупой рыцарь, я чах над своим сокровищем. Пересчитывал его, гладил и целовал. Секс уже отошел на второй план. Лишь бы только была, была рядом. Ведь я не заслужил ее, мне просто повезло! Я самозванец, мошенник, пускающий пыль в глаза доверчивым лохам, а на самом деле...

На самом деле с той ночи жизнь моя превратилась в ад.

Да и ее, видимо, тоже.

Обычно чего боишься, то и происходит.

Я не стал исключением. Сильно позже я прочитал у Юнга и Фрейда о воле к смерти, о запутанных отношениях Танатоса и Эроса. Прочитал и понял, что эти два гада той осенью выясняли свои отношения прямо на мне, семнадцатилетнем пацанчике, еще вчера игравшем в солдатики. А я, зажатый их стальными лапищами, обреченно плелся к закономерному финалу. Я сам приближал этот финал, кровь моя густела и холодела от ужаса, но я ничего не мог поделать.

Конечно, она меня бросила.

Но прежде чем перейти к печальному концу истории, видимо, стоит описать ее медовую середину.

Мою девушку звали Ира.

Так просто, казалось бы, – три буквы, две гласные и одна согласная. Но для меня эти три буквы заслонили мир.

С детства имея страсть к словотворчеству, я называл ее Вира – подъем, и Ира-свет называл, точнее Ирассвет – восхождение солнца новой взрослой и прекрасной жизни, и Ир-ра-циональностью окрестил, потому что безумием и чудом неожиданным она была в моей жизни...

А она меня незатейливо звала Шурик.

Господи, как я ненавидел это плебейское недотепистое имя!

В раннем отрочестве образ простоватого Шуры Балаганова из «Золотого тельца» совместился у меня в голове с милым, но тупым Шуриком из «Кавказской пленницы». Получившийся гибрид до такой степени напоминал окружающих меня агрессивно-послушных, глупых, но всегда уверенных в своей правоте «совков», что, когда мои одноклассники искали повод со мной подраться, достаточно было всего лишь назвать меня Шуриком.

С Ирой я не дрался. Терпел.

Да пусть хоть шариком для пинг-понга называет, лишь бы была моей!

Моей девушкой.

Однажды я все же аккуратно намекнул, что, мол, неплохо бы называть меня Сашей или еще лучше – Sunny, на модный тогда западный манер.

– Да какой же ты Sunny, – удивилась Ира, – ты Шурик, типичный Шурик. Ну, вот тебе зеркало – посмотри. Правда, Шурик?

Что-то кольнуло меня в бок, захотелось со звоном разбить зеркало о голову моей ненаглядной, но она, едва коснувшись прелестной ручкой моих губ, мило заканючила:

– Ну ведь правда же, правда, правда, скажи?

И я, глупо и счастливо улыбаясь, ответил:

– Правда.

То, что искусство охмурения порядочных девушек заключается в непрерывном компромиссе, хитрости и лжи, я понял в день знакомства с Ирой.

О, это был незабываемый день!

Первое сентября 1988 года, первый день моей взрослой и самостоятельной, как я тогда надеялся, жизни.

Долой проклятую темно-синюю форму! Прощай, ненавистная школа, здравствуй, мир, привет, Москва, поклон тебе, станция «Таганская», стрижка уркаганская, и театр у выхода из метро, где когда-то хрипел кумир моего еще молодого отца. И пивняк у театра, где, по легенде, начинал свои безумные загулы кумир. Не школяр я больше, а вольный московский студент, небрежно бросающий дружку, с которым познакомился на вступительных экзаменах:

– Пойдем, что ли, зайдем к Высоцкому, примем пивка для рывка?

И мы заходим в удивительным образом открытый в девять утра пивняк и выхлебываем по маленькой кружечке теплого «Жигулевского». Как взрослые. Ей-богу, как взрослые! А потом мы неторопливо, подставляя лица еще теплему сентябрьскому солнышку, спускаемся вниз, к Курской, и поворачиваем перед мостом на Ульяновскую набережную. Это там, где высотка на Котельнической и Библиотека иностранной литературы...

А из нашего окна площадь Красная видна!

Да что там площадь – жизнь видна, большая, взрослая, полная приключений и азарта жизнь.

Мы стоим перед стеклянной проходной МАТИ со смешной фаллической ракетой на крыльце, напоминающей оттопыренный средний палец, и слушаем ректора. А он обращается к нам не «дорогие первоклашки и выпускники», а как к равным – «уважаемые коллеги». И вообще он мировой дядька, веселый, видно, что бухает крепко. А главное – дядька, а не благообразные тетеньки-учительницы, окружающие нас с детства.

И стоим мы не ровно, как на линейке в школе, а хаотично, как бог на душу положит.

«Здравствуй, свобода!» – мысленно говорю я себе и украдкой ощупываю, новенькие, купленные родителями за огромные деньги джинсы «Ливайс 501» на болтах. Это сейчас «Ливайсы» на пуговицах, и найти их можно в любом магазине, а тогда...

Эх, где вы, мои «Ливайсы»?

Вырос я из вас и ношу неведомые мне в юности «Гессы», «Боссы» и «Дизели». Но вас я помню, как и первое сентябрьское солнечное утро моей взрослой жизни, когда я повстречал свою первую настоящую девушку.

Я увидел ее на вступительной лекции.

Сначала я ничего не видел вокруг, я сидел ровнехонько, боясь пошевелиться, и офигевал. Лучшая аудитория института напоминала театр. Не класс с разрисованными партами и смешными стульчиками на железном каркасе, а театр. Каждый последующий полукруглый ряд был выше предыдущего. Я сидел почти на самой верхотуре и казался себе немислимо важным и взрослым человеком. Это для меня постарались – сделали из класса театр, не могут в таком помещении говорить простые истины простым людям! В меня верят, на меня надеются, и я не подведу. Не простой я, видимо, человек, раз нахожусь здесь.

Избранный.

Первые сорок минут я сидел молча – и благоговел. Дальше благоговение стало стремительно заканчиваться. И не только у меня – у всех. Кто-то кашлянул, кто-то повернулся, и вот уже по аудитории, то затихая, то усиливаясь, стал распространяться негромкий шум.

Ну что с нас было взять, со вчерашних школяров? Урок сорок пять минут длится, а тут целых полтора часа. Непривычно.

На середине лекции, чтобы немного развеяться, я стал рассматривать своих будущих соучеников, точнее – их разнообразные макушки. К своему ужасу, я обнаружил, что подавляющее количество макушек были мужские. На весь мой поток – не больше десятка девочек.

Институт я выбирал долго и придирчиво. И не один, естественно, а вместе с родителями. Казалось бы, обо всем подумали, все предусмотрели: недалеко от дома, есть военная кафедра, модный факультет радиоэлектроники.

А о главном забыли.

Ладно бы родители, хотя могли бы и подсказать, но я, я...

Я-то куда глядел?!

Это же не лучше армии получается, там тоже девочек нет.

Обреченно закрыв глаза, я представил картину моего безрадостного будущего. Я учусь в МАТИ, хорошо учусь; утром ухожу на занятия, днем пью пиво с новыми друзьями, вечером готовлюсь самостоятельно. Времени ни на что не хватает, волосы мои отрастают, на щеках пробивается щетина, от пива растет живот. Технар, типичный технар, с бутылкой пива в руке и самоуглубленным от жесткой математики взором!

А в это время прекраснейших на земле созданий, именуемых девушками, покоряют другие, более удачливые, чем я, парни. Через несколько лет мне и девушки перестанут быть нужными. Только пиво и математика. Когда-нибудь, в далеком будущем, после получения диплома, я женюсь на первой подвернувшейся чувырле с толстыми лодыжками, и у нас родятся похожие на меня дети. С пробивающейся щетиной, бутылкой пива в руке и самоуглубленным от математики взором. Даже если дочка родится – все равно со щетиной и пивом...

Прощай, молодость, до свидания, едва начавшаяся жизнь, ничего хорошего в тебе уже не будет. Надо было наплевать на мнение родителей и пойти учиться на филолога.

Вот где рай...

С трудом разлепив веки, пытаюсь зацепиться за последнюю слабенькую надежду, я начал внимательно рассматривать девичьи макушки. Я пробовал представить себе их обладательниц и свои будущие романы с ними.

Ничего не получалось.

Что можно сказать о человеке, судя по его макушке? Только какого он пола, и то не всегда получается угадать правильно.

Одна из голов с длинными волосами обернулась – и я понял, что не девушка это, а испитой, обкуренный хиппи со следами наркотического вырождения на лице. О господи! В этой веселой мужской компании легко можно превратиться в гомосексуалиста. Мне уже хотелось бежать из страшной аудитории, я даже привстал немного, но тут... повернулась очередная женская головка и пристально, как мне показалось, посмотрела на меня.

Я до сих пор думаю: влюбился я бы в нее с первого взгляда, если бы не увидел сначала лицо обкуренного хиппи, если бы не представил перед этим нашим первым взглядом картину своего печального будущего?

Какова вообще роль контраста в человеческих симпатиях? Почему рядом с красивой девушкой всегда страшная подруга?

Нет ответа. Только смутные догадки, что вся земная жизнь – это разность потенциалов. Лишь когда эта разность есть – ток идет и жизнь движется дальше...

В общем, я влюбился.

Может, из-за разности потенциалов, а может, потому что взгляд у Иры был особенный. Конечно, она не на меня смотрела, просто, заскучав, повернулась и взглянула в пространство.

Вот где разгадка. Мужчина всегда смотрит конкретно. Нужно ему что-то, вот он и смотрит. А женщина смотрит вообще, без всякой цели. На всякий случай. И это так женственно, настолько непонятно и возбуждающе, что любовь – самая маленькая неприятность, случающаяся с парнями после таких взглядов.

Можно ведь и с ума сойти...

Взгляд женщины – если не взгляд Бога, то взгляд Природы – точно. Равнодушный, но и подбадривающий одновременно: ну, ну, попробуй, сделай, видали мы таких. Мне, в принципе, все равно, мне активность проявлять по статусу не положено, а ты попробуй, если хочешь...

И я попробовал.

Уже на перемене я понял, что не ошибся.

Ира была королевой.

То есть по прошествии лет я понимаю, что она была вполне себе среднестатистической, симпатичной девчонкой, но на фоне остального десятка будущих инженериц-радиоэлектронщиц она была королевой.

Много позже я задумался, а зачем вообще девчонки шли в МАТИ учиться трудной мужской профессии?

Ответ очевиден. Замуж они хотели.

Расчетливые девочки, с более чем средними внешними данными. Где им еще мужа найти? Кстати, расчет оправдался, почти все повыскакивали замуж еще до окончания института. И многие удачно. На переломе эпох надежный, как синица в руке, вариант мужа-технаря со щетиной и бутылкой пива в тубусе неожиданно обернулся белокрылым журавлем. Ведь именно эти технари в недалеком будущем оказались пионерами фондового и банковского рынка, именно они создавали торговые сети электроники и приватизировали нефтяные компании!

Бросили, конечно, потом возмужавшие технари своих первых институтских жен с первыми нежданнами детьми – бросили, но обеспечили на всю жизнь.

Удался нехитрый девичий трюк.

Впрочем, тогда я ни о каких трюках не думал.

На перемене я старался подобраться поближе к объекту своей сверхновой любви – и сделать это наиболее естественным образом. Вроде просто так гуляю, никаких задних мыслей, надо же человеку где-то гулять...

Не один я был такой умный. Около Иры быстро стала собираться толпа «просто так гуляющих» мальчиков. Да и расчетливые девочки инстинктивно жались к ней, чтобы погреться в лучах зарождающейся славы. На фоне неказистых однокурсниц Ира, поступившая в МАТИ исключительно по настоянию отца-инженера, блистала еще ярче.

Разность потенциалов стремилась к бесконечности, эротическое напряжение достигло немыслимых величин. Под его воздействием просто так гуляющие мальчики стали совершать безумные поступки.

Как только они не подкатывали к негласно избранной Королеве первокурсников!

Одни хмуро по-мужски интересовались: «Закурить не найдется?» И услышав доброжелательное: «Не курю», проявляли настойчивость: «А спичек?..» Другие на руках подходили к королеве и уморительно-серьезно представлялись: «Здравствуйте, а меня Вася зовут!» Один даже, робко переминаясь с ноги на ногу, поинтересовался, где находится туалет... Королева смутилась, и я решил, что час мой пробил. Вынырнув из-за спины робкого дебила, я взял его под руку и негромко, но так, чтобы Королева слышала, начал читать лекцию:

– Вы знаете, молодой человек, вопрос ваш крайне бестактен. Нельзя малознакомую прекрасную девушку спрашивать о таких вещах. Чтобы наглядно продемонстрировать вам всю глубину вашего падения, приведу любопытный исторический пример. Однажды министр иностранных дел СССР Андрей Громыко находился с официальным визитом в дружественной Югославии. Вождь югославского народа Иосип Броз Тито устроил торжественный ужин в честь высокого гостя. И вот, когда веселье было в самом разгаре, Громыко неожиданно встал из-за стола. Все подумали, что он хочет сказать тост. Мгновенно установилась

почтительная тишина. Министр иностранных дел СССР откашлялся и весомо, с большими паузами произнес:

– Где... здесь... можно... сходить... в туалет, товарищи.

И пукнул.

Большее оскорбление гордому вождю южных славян трудно было нанести! Над международным сотрудничеством нависла угроза. Если бы вождь не поставил наглеца на место, дело могло дойти до вступления Югославии в НАТО. Но вождь быстро сориентировался. Обаятельно улыбнувшись, он гостеприимно распахнул руки и ответил:

– Вам – везде.

Что в переводе с дипломатического языка означало, что хоть ты и представитель великой державы, которую мы безмерно уважаем, но все же место твое у параша. Так вот, молодой человек, я знаю ответ на ваш бестактный вопрос. Слушайте внимательно, я думаю, девушка не будет возражать, если я отвечу. Вы спрашивали, где находится туалет? Вам – везде!

Я широко раздвинул руки в стороны и показал вконец растерявшемуся глупому мальчику необъятные коридоры института.

Свита Королевы громыхнула дружным смехом, а сама Королева – так и вовсе сложилась пополам.

Ничто так не возвышает самца в глазах самки, как публичное унижение другого самца, претендующего на ее благосклонность. Все как в дикой природе. Олени в брачный период бодаются рогами, тетерева клюют друг друга до крови, львы рычат, гориллы скалят зубы...

Я победил в бесчестной борьбе за существование.

Древний инстинкт, прочитанные книги и увлечение историей помогли мне в этом. Ловко совместив роли шута и палача, одним махом я прорвался в королевский ближний круг и стал рассматриваться как серьезный кандидат, по крайней мере на королевское внимание.

– Как вас зовут, о достойнейший юноша? – разогнувшись, вытирая выступившие от смеха слезы, спросила меня Королева.

– Меня зовут сэр Александр Викторович, повелитель нижних мхов и укротитель хамов-дристунов, прекрасная незнакомка, – ответил я в тон, продолжая изображать шута, и поклонился:

– Могу ли я узнать ваше имя, несравненная леди?

– Леди Ирина, – присев в реверансе подхватила игру Королева, – а вы, значит, сэр Александр Викторович, сэр Александр Викт... фу-ты черт, длинно как-то. Можно я буду называть вас сэр Шурик?

«А как же еще называть шута?» – содрогаясь от звуков ненавистного имени, подумал я. Но подчинив гордыню любви и половому инстинкту, смешно щелкнул каблуками, склонил голову и согласился:

– Конечно, Королева, рад вам служить.

И лучезарно улыбнулся.

Я выиграл только первый раунд битвы.

Ближний круг оказался не таким уж и узким. В полуфинал вышли четыре-пять совсем неслабых пацанов. Каждый обладал несомненными достоинствами. Один был накачан, как греческий полубог. Другой – облачен в фирменный джинсовый костюм и кроссовки «Reebok». Третий блистал энциклопедическими познаниями во всех областях человеческой деятельности. Четвертый вообще предложил всех подвезти на собственной белоснежной вазовской «шестерке»!

Этого в принципе не могло быть. Чтобы в восемнадцать лет – и своя «шестерка»...

Я даже хотел плюнуть и уклониться от безнадежного соревнования. Лишь гордость и наглость, подкрепленные зашкаливающими гормонами, не позволили мне позорно бежать

с поля боя. И это я не упомянул еще о нескольких десятках соискателей, выющихся рядом и мечтающих занять мое шаткое место!

Тем не менее на следующей лекции я сидел по правую руку от Королевы, а владелец вазовской «шестерки» – по левую.

Шансы мои росли.

Вечером мы поехали в Центральный дом туриста на празднование Дня первокурсника.

Я и не предполагал, что туристы так шикарно живут. В моем понимании туристы были веселыми ребятами в трениках и кедах с зелеными рюкзачками за спиной. Идут по тропинке, поют весело: «А в Подмосковье ловятся лещи, водятся грибы, ягоды, цветы...»

Ни фига подобного: ковры, бар, мрамор, прям отель из советского фильма про капиталистические джунгли. В таком антураже я почувствовал себя совсем взрослым и опытным мужчиной: «Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд», martини с водкой, пожалуйста, взболтать, но не смешивать.

Ни на секунду я не отходил от Королевы. Сыпал остротами, отгонял чересчур назойливых поклонников. После недолгой торжественной части и выступления студенческой самодеятельности началась долгожданная дискотека.

Королева подарила мне два медленных танца.

Господи, как от нее пахло! Свежим чем-то, морским, но и кислым немного, и сладким. Так будущее пахнет в семнадцать лет или... хорошие французские духи, правильно подобранные к возрасту и типу кожи. Про женские манипуляции с духами я тогда не подозревал и поэтому решил, что так пахнет будущее.

И мое будущее – ОНА, Королева.

Королева колебалась между мной и владельцем белой «шестерки». Со мной два танца, с ним – три. Зато два из трех с ним – не вполне медленные, на расстоянии.

А я почти обнял ее в последнем танце и даже ненароком, сам удивляясь своей наглости, пощупал за попу. Хотя соперник, как мне показалось, мельком коснулся губами ее уха. От моих шуток она смеялась громче. Зато когда он рассказывал о ночных гонках на подмосковных трассах, глаза ее загорались и источали восхищение.

Белая «шестерка», черт бы ее побрал...

Силы были примерно равны. Железная танковая армада Гудериана в виде чуда советского автопрома – против лихой конницы Буденного. Численное и материальное превосходство – против нестигаемого духа русского солдата.

Остальные претенденты на сердце Королевы отсеялись и, понуро признав поражение, отбыли в направлении девочек попроще.

Некоторые делали ставки на исход битвы.

Большинство склонялось к тому, что владелец «шестерки» победит. Люди, честно говоря, не особенно верят в духовные ценности, каких бы верующих из себя ни изображали. Я и сам стал таким с годами.

Но тогда я был не такой!

Я лез из кожи вон, я выдавливал из себя глубокомысленные сентенции и парадоксальные шутки. Любовь придавала мне сил. А он все рассказывал о ночных гонках, автомобильном путешествии в Крым, о поездках в четыре утра в единственный открытый в Москве бар – в международном аэропорту Шереметьево. Он дурманил, гад, Королеву шоферскими байками, объяснял различия между летней и зимней резиной...

Глаза Королевы затягивались поволокой, в воздухе чувствовался запах выхлопных газов – еще чуть, и она бы дрогнула.

Но тут подвернулся случай выложить последний свой козырь. К разомлевшей от рассказов автомобилиста Королеве подвалил отвергнутый накачанный греческий полубог из свиты. От обиды и с непривычки он нажрался легкодоступного в баре Центрального дома

туриста дешевого портвейна. Глаза его налились кровью, мышцы бугрились под майкой с олимпийским мишкой. Он поразительно напоминал глупого бычка из кукольного мультфильма моего детства.

– Чего ты их слушаешь, расфу... расфа... фу... фа... фыренных петухов, пойдем танцевать, медляк уже, – промычал с трудом качок и схватил Королеву за руку.

Она вскрикнула от боли. Стараясь быть спокойной, тихо произнесла:

– Я не хочу, мне очень интересно.

– Интересно ей... да ты сама не знаешь, что тебе интересно. Ща покажу тебе интересное...

Все произошло очень быстро.

Автовладелец еще на выхлопе продолжал говорить о галогеновых модных фарах, Королева упиралась, а я думал только об одном: бедро или подсечка?

Зря, конечно, качок при мне так, все-таки второе место на чемпионате Москвы по дзюдо среди юношей полутяжей, но откуда ему знать, бычку глупому. Хотя спасибо ему надо сказать, такой случай предоставил продемонстрировать свои лучшие качества.

Этот козырь, пожалуй, и «Жигули» побить может...

Додумывал я свои мысли, стоя одной ногой на горле поверженного полубога.

Дешевый, безусловно, трюк, и подлый.

Бросок через бедро, и на горлышко ненароком наступить...

Но эффектно, черт возьми! Наглец повержен и живописно хрипит под пятой справедливости. А я радуюсь – но не легкой победе над противником, а тому, что вот уже год не тренируюсь после травмы, забросил свое любимое дзюдо, а поди ж ты: помнит тело...

Дзюдо – спорт сильных, хитрых, подлых... и умных. Поэтому радоваться долго себе я не дал, убрал ногу с горла качка, заботливо помог ему подняться.

– Ну что, друг, упал? – лицемерно спросил я побежденного Геракла. – Бывает, бывает, перебрал ты сегодня, отдохнуть тебе надо. Пойдем провожу.

– Да, чего-то я лишнего... Не надо, сам.

Потрясенный полубог, пошатываясь, заковылял прочь, а я, повернувшись, увидел восхищенные глаза моей Королевы.

И погрустневшее лицо автовладельца.

В мою светлую, окрыленную любовью голову пришла очередная, как мне тогда казалось, блестящая идея.

– Знаешь, Ир, – сказал я озабоченно, – много здесь все-таки гопников, а я думал – интеллигентное место: институт, с космосом связан...

– Шурик, – жарко шепча, бросилась мне на шею Королева, – ты мой герой, ты такой молодец, да мне с тобой ничего не страшно!

– Вот именно, – мягко отстраняя ее от себя, авторитетно, по-мужски заявил я, – со мной не страшно, а без меня? Уродов вокруг много, боязно мне, вдруг что случится. Ты девушка хрупкая, воздушная, любой обидеть может. Давай-ка я буду считаться как бы твоим парнем? Как бы... – поспешно добавил я, снимая возможные возражения. – Понарошку, только для безопасности.

Королева, на пару секунд замерев, смотрела поочередно то на меня, то на автовладельца.

Надо было решать.

Я не сомневался в легкой победе. В конце концов, я только что спас ее из лап отвратительного накачанного бугристого дракона, и она, как порядочная принцесса, просто должна...

Несмотря на то что Денис (так звали автовладельца) тоже вроде хороший парень. Вон стоит, чуть не плачет, понимает уже все. Жалко его, но она должна...

Так во всех сказках написано.

Ира не обманула моих ожиданий. Улыбнувшись, она счастливо хлопнула в ладоши и начала подпрыгивать на месте:

– Ой, конечно, Шурик, ой как здорово ты придумал! Конечно, давай, теперь никто ко мне не сунется. Только пускай Денис тоже будет моим парнем? Два парня – это надежней, чем один. Тогда уж точно... Ведь правда же, правда, правда? Ты согласен?

Денис мгновенно расцвел. Распустился от счастья, как роза под утренним солнышком.

В глазах Королевы чертики отплясывали рок-н-ролл. А я, пытаюсь сохранить лицо, вымученно улыбнулся и сказал:

– Правда, согласен. Двое – оно по-любому лучше.

О женщины, вам имя – вероломство!

Я же добыл ее в честном бою с драконом, я победил в турнире остроумия, я прошел все отборочные туры, а она...

Это все равно что поцеловать Белоснежку в губы, а когда она оживет – продолжать делить ее с отвратительными гномами.

Потому что так надежнее.

Но только слабые телом и духом рыцари пасуют перед первой же неудачей. Новоиспеченные московские студенты, победители бугристых драконов, не таковы!

И началась дружба втроем до первой крови.

Я, Денис и Королева.

Мы встречались рано утром в институте и не расставались весь день. Сначала учеба, потом обед в одной из ближайших забегаловок. Потом поездка на белой «шестерке» в кино или музей. На белой «шестерке» – музей! Я даже не знаю, с чем это сравнить. Ну вот если бы Абрамович на своей яхте пришвартовался в холле Третьяковки, получилось бы жалкое подобие наших выездов, и то...

Потом – прогулка в московских и подмосковных парках. Кусково, Царицыно, Архангельское...

Везде – на машине, всюду на этой проклятой машине. Автомобиль давал невиданную по тем временам свободу. И источником этой свободы был Денис. Мне приходилось буквально стоять на ушах, чтобы хоть чуть-чуть нивелировать эффект от источаемой им благодати.

Иногда я отчаивался и почти готов был сдаться. Ладно бы Денис был уродом с тачкой, но нет – вполне достойный парень. Симпатичный, веселый, начитанный, совсем не мажор, просто его родители, известные в своей области ученые, первыми подсуетились с возникшими тогда хозрасчетными научными договорами и огребли немислимое количество денег. Тысяч сто двадцать, как небрежно сказал он, объясняя появление автомобиля в своей жизни.

Сто двадцать тысяч, боже мой, трудно вообще было осознать существование таких денег в природе!

И вот – пожалуйста, перед нами наследник «приваловских» миллионов, основная забота которого поскорее завершить процедуру покупки трехкомнатной кооперативной квартиры на проспекте Вернадского. И при этом деньги его еще не успели испортить. К деньгам он относился с юмором, полностью отрицая свои заслуги в их получении. Со смехом вспоминал, как еще летом они с родителями ездили к родственникам на Украину в плацкарте. А деньги уже были. Просто в голову не приходило, что можно СВ взять или купе.

Молодец, свой парень, не зазнался.

Только беда в том, что мне, сыну таких же известных в своей области инженеров, мысли об СВ даже близко не подходят. Денис небрежно кидает красный червонец на столик в ночном баре Шереметьево. А я прихожу домой и разбиваю свинью-копилку с олимпийскими железными рублями, которые собирал с детства, а потом иду к магазину Нумизмат на

Таганке, мокну под дождем и, ожесточенно торгуясь за каждую копейку, продаю их за 2,65 номинала в розницу. Торговля рублями занимает у меня все немногочисленное свободное от тройственной дружбы время.

Но проходит полтора месяца, и рубли заканчиваются.

Я угрюмо молчу, днем, ссылаясь на проблемы с желудком, отказываюсь от обеда. Вечером, в кафе «Лира» на Пушкинской, где двумя годами позже откроется первый «Макдоналдс», я пью пустой чай, но смеющаяся счастливая Королева заказывает на всю компанию бутылку цинандали и гору эклеров. К вину не притрагиваюсь, смотрю тоскливо на пирожные, с ужасом жду счета.

Молчу.

Ира тормозит меня, не понимает, в чем дело, а я позорно, как жеманная девочка, говорю, что болит голова. Приносят счет, Денис беззаботно кидает на блюдечко десятку. Это почти три четверти счета, но не все. Я становлюсь алым, как флаг СССР, и выдавливаю:

– Нет у меня денег, на следующей неделе отдам. Джинсы продам, на крайний случай.

– Так ты из-за денег? – ошарашенно спрашивает Королева.

Я срываюсь, кричу:

– Да, да из-за денег! У меня нет денег, понимаешь? И машины тоже нет, и квартиры! И больше я не могу с вами ходить и не буду. Я не нахлебник. Счастья вам!

Я вскакиваю из-за стола и бегу к выходу.

У выхода меня нагоняет Денис.

– Дурак, – говорит он тихо, – какая разница? Это не мои деньги и даже не родительские. Это глупые совковые деньги от дурости этого глупого государства. Я тут ни при чем, и ты ни при чем. Вернись.

– Ну ты же любишь ее, – тоже тихо отвечаю я. – Так случилось: у тебя есть, у меня нет, иди пользуйся. Я не в обиде, значит – не судьба.

– Я так не хочу, – говорит он, и его красивые синие глаза источают великодушные и благородство.

О господи, он еще и благороден!

Да я бы на ее месте дал ему только за одну белую «шестерку», не считая остального, а он еще и благороден!

Я возвращаюсь за стол лишь затем, чтобы сделать победу Дениса безоговорочной. Он благороден, но и я не хам. Благородство надо ценить и отвечать на него по возможности тем же.

– Извини, Ира, – говорю я, усаживаясь на свое место и набивая рот эклерами, – погорячился, не оценил широты души нашего друга Дениса. Он согласился меня содержать. А я за это решил, что буду свидетелем на вашей свадьбе. На что только человек не пойдет за сладкое!

Белая начинка эклеров, смешанная с шоколадной глазурью, отвратительно лезет из уголков моих губ. Для полноты картины остается только громко рыгнуть и вытереть рот рукавом.

Я закономерно ожидаю пощечины.

После этого можно будет с чувством выполненного долга удалиться.

Вместо заслуженного удара Королева встает из-за стола, подходит ко мне, наклоняется и целует меня в губы.

Прямо в измазанные заварным кремом с шоколадной глазурью губы.

Я не понимаю, что происходит. Я давлюсь кремом и постыдно закашливаюсь, а Королева садится ко мне на колени, умопомрачительным движением языка облизывает свой испачканный рот и мечтательно говорит:

– Ум-м... какой ты вкусный. И какой глупый. С чего ты решил, что я выйду за него замуж? Я за тебя выйду, потом... когда-нибудь. Потому что люблю тебя, идиота.

Немая сцена.

У Королевы в глазах ангелы танцуют менуэты.

На Дениса она даже не смотрит. Он в нокдауне, пытается осознать только что произошедшее.

«Неужели все?» – думает он.

«Неужели все?» – думаю я.

Королева еще раз наклоняется и целует меня в губы.

Мы с ним понимаем. Оба. Окончательно. Бесповоротно.

Все...

Я снова становлюсь цвета флага с серпом и молотом. На этот раз от счастья. И еще – от стыда. Мне очень стыдно перед Денисом. Я же не за этим возвращался.

Я не хотел...

Денис вытаскивает из кошелька еще один червонец, кидает его на блюдечко и, не сказав ни слова, уходит. На полпути к выходу он разворачивается, снова подходит к столу и кладет на него четвертак.

– Это вам на гостиницу или квартиру, в общем, придумаете чего-нибудь...

Он уходит.

Я дергаюсь, хочу ссадить Иру с колен, чтобы вернуть благородному Денису его деньги, но Королева лишь сильнее прижимается ко мне и шепчет сладкими от крема губами:

– Потом отдашь...

И улыбается.

Она так улыбается, что я забываю обо всех деньгах и Денисах на свете.

Я целую ее – и забываю даже о себе.

Боже мой, какими прекрасными юными дураками мы были!

Я, Денис, Королева...

Никогда больше я не испытывал такой глупой и чистой любви. Бывало, любил сильнее, бывало, сдохнуть был готов от любви, бывало, даже почти подыхал, но чтобы так...

Я спрашивал у нее потом: когда она меня выбрала и почему. Она долго отнекивалась, а потом призналась:

– Да еще на дискотеке, где ты качка уделал. Все тривиально, мой дорогой. Сказки не врут.

– А зачем же ты тогда сказала, чтобы Денис тоже был твоим парнем, зачем полтора месяца мучила и меня и его?

– Ну как же не помучить? – удивилась Ира. – Еду, прежде чем съесть, разогревают. Нельзя же как животные – сырым жрать, с кровью...

Эти азы величественной женской логики меня убивали. Я не мог понять, я никак не мог понять...

– Хорошо, допустим, – не унимался я. – Меня нужно было подогреть – гигиена, этикет и все такое, но Денис? Он же хороший парень, он не заслужил, ему за что?

– Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать... Он и правда хороший. Но он и есть – огонь, на чем бы я тебя еще подогревала? Это же так просто, любая девушка это знает, даже самая тупая. И потом, ты не представляешь, как забавно вы оба смотрелись, когда хотели очаровать меня. Особенно ты. С деньгами – это вообще шедевр. Я поняла, что они у тебя кончаются, за два дня до того, как это понял ты сам. Я хорошо умею считать, между прочим. И ты так переживал, так смешно отказывался от еды, никогда не забуду! Чарли Чаплин отдыхает в сторонке...

– Но почему, – продолжал докапываться я до правды, – почему ты выбрала меня, а не его? У него машина, у него деньги, он симпатичный, умный и благородный парень. Кто я по сравнению с ним? Почему?

Ира долго не хотела отвечать на последний вопрос. И только спустя несколько месяцев, после особенно бурного нашего соития, не выдержала и промурлыкала:

– А потому что ты на пятнадцать сантиметров выше, не люблю я маленьких. И плечи у тебя шире. И раздумывать ты не стал, когда ко мне упырь этот приклеился накачанный. И любил, и хотел ты меня больше, чем Денис. А Денис? Что Денис... Слишком правильный, слишком благородный, слишком хороший. Слабый он какой-то. Повезло ему просто с родителями. Пресный он и не опасный. А ты... ты – гад, страшно с тобой, но и весело. И вообще ты, гад, отстань от меня. Расколол девушку, воспользовался положением, как гестаповец какой-то. Отстань!

Слава отважным комсомолкам конца восьмидесятых! Слава последним наивным русским женщинам!

Я благодарен вам и не забуду вас никогда. Вы не были дурочками, вы многое понимали, и женского, природного, от матушки-земли, было в вас немало. Но лишние пятнадцать сантиметров роста, но плечи и буйный нрав затмевали для вас все блага мира.

Сейчас ваши дочки поумнели и измельчали, они отдаются серым духовным и физическим карликам за возможность выплачивать ипотеку в Балашихе. Они накачивают губы ботоксом, чтобы обольстить вялых уродов с их вялыми воровскими бабками. Они отчаялись и потеряли надежду. Они даже стали находить удовольствие в своей черной и беспросветной жизни. Они – не вы...

А вам – слава!

И вам слава, благородные парни – мушкетеры моего поколения! Вам, которые читали правильные книжки, слушали правильную музыку и смеялись над глупым совком. Вам, которые презирали деньги и хотели прожить правильную и осмысленную жизнь.

Всем нам слава, мы были юными наивными идиотами.

Но мы были прекрасны!

Мы были... были... а теперь нас нет. Испарились, исчезли куда-то. Если честно, мы и есть те вялые уроды с воровскими бабками, или мы получаем от этих вялых уродов свои деньги, что еще хуже.

Мы со всем примирились, мы ко всему приспособились, лишь бы нас не трогали. Лишь бы дали возможность выплачивать нам свою мышиную ипотеку за квартиру в Балашихе, или «Мерседес» купить для жены, или домик в Испании, или детей выучить.

Кому как повезло.

И может, не наша это заслуга, что мы были такими прекрасными? Может, это ненавидимый нами совок подсобил? У нас отсутствовали соблазны – вот и получились мы такими прекрасными, а грянули вскоре иные времена, жесточе, и превратили нас в уродов, и детей наших превратили?

Так? А может, и не так. Может, я просто брюзжу и старею. И где-то сейчас, прямо сейчас дружат втроем восемнадцатилетние Королева, Денис и Сашка. И целует Королева Сашку в измазанные эклером губы и плюет на «Бентли» Дениса, потому что у ее избранника плечи шире. А благородный Денис дает им деньги на гостиницу.

Я хочу верить в это.

Потому что если не верить в это, то и жить не стоит.

И не стоило.

На этой пафосной ноте нужно бы и закончить рассказ. Добро в виде зашкаливающего гормонального фона победило. Жили они долго и счастливо и умерли в один день, предвзательно нарожав кучу детей и дождавшись правнуков.

Нет, испортились, конечно, немного со временем, но дети подхватили победоносную эстафету любви – и жизнь триумфально двинулась вперед к светлому будущему.

Как-то так, как-то так...

Беда только в том, что жизнь сложнее литературных и иных схем. Тысяча первое название лжи – художественная правда. А ведь правда не бывает «художественной» – правда бывает горькой, неприятной, печальной, дурной и отчаянной. Никогда я не встречал оптимистичной, возбуждающей и сладкой правды. Правда – противное на вкус лекарство, и лечит оно от иллюзий, в конечном итоге – от самой реалистичной и захватывающей дух иллюзии, называемой жизнью.

Правда – это смерть, но и смерть зачем-то нужна. В мудрых сказках рядом с живой водой всегда есть мертвая. Затягивает она раны покалеченного героя, успокаивает, делает равнодушным, не воскрешает, но готовит к грядущему воскрешению.

И поэтому я не закончу рассказ на пафосной, оптимистичной ноте.

Я расскажу, как все было на самом деле.

Мне есть чем поделиться. Я проходил через ушаты мертвой воды много раз, но впервые это случилось тогда, на пороге моего восемнадцатилетия, на пике моей первой любви, на никогда более потом уже не покоренной вершине абсолютного и предельного, как скорость света, счастья.

После завоевания Королевы меня распирала гордость.

Гордость усугублял тот факт, что Королева оказалась девственной. Virgin Queen – звучит как название рок-группы. И Королева подарила мне свою Virgin.

Это вам не орден «За заслуги перед Отечеством» какой-то там степени. Орденов много, а Virgin одна, и наградить ею можно только один раз, самого достойного и выдающегося героя. Ира мне выдала лицензию на жизнь – неслыханный, щедрый и необоснованный аванс. А я, как глупый нищий, ошалев от неожиданно свалившегося богатства, промотал его, разменял на мелкое тщеславие и ржавые медяки трухлявой ревности.

Нет, не случайно она называла меня Шурик.

Шуриком я и был.

Тупой Шура Балаганов, попавшийся на мелкой краже с пятьюдесятью тысячами в кармане, полученными от великодушного Остапа Бендера. И дело даже не в ревности – ревность Королева переносила стойко. Более того, как и любой женщине, ревность ей поначалу льстила. Ревнует – значит любит. Она не возражала, когда я ей звонил по ночам. По моей просьбе она перестала общаться с крутившимся постоянно где-то рядом Денисом. Она не удивилась, когда я несколько раз без звонка нагрянул с проверкой в ее далекое Братеево. Наоборот, открывала дверь – милая, домашняя, в застиранной смешной маечке, – и глаза ее вспыхивали от радости. Она любила меня, дурака, и проявляла воистину королевское терпение, но когда я подозрительно спросил: почему она три дня потратила на написание курсовой, она не выдержала:

– А что тебя удивляет?

Спросила раздраженно.

– Ну, не знаю... я, например, за сутки курсовую написал.

– И?

– И – странно.

– Ну да, поняла. Ты – за сутки, я – за три дня. Типа, чем занималась оставшиеся два дня, так, что ли?

– Вроде того.

– А то, что я девочка и у меня мозги по-другому устроены, и соображаю я в некоторых вопросах медленнее, в голову приходило?

– Приходило, – честно ответил я. – Ну, хорошо, пускай два дня, но день-то еще остается... Ты пойми: я же просто люблю тебя, я за тебя беспокоюсь.

– Любишь, значит?

– Люблю.

– И беспокоишься?

– Беспокоюсь.

– И ревнуешь чуть-чуть?

– Ревную, конечно, – неуверенно согласился я и быстро добавил: – Но только потому что люблю!

– А раз любишь, беспокоишься и ревнуешь, то женись, Шурик. Женись – тебе спокойнее будет, штамп в паспорте все-таки, а там и детишки пойдут. Куда я от тебя денусь?

Все.

Я напоролся на вилы неумолимой женской логики. Любишь, беспокоишься, ревнуешь, значит, женись.

Меня обуяла паника.

Нет, конечно, Королева – супердевушка и мне хорошо с ней, она – смысл и основа моего существования, но... всю жизнь, до самой старости?

И потом – какая ответственность!

Королеву же надо кормить, и желательно – по-королевски, а меня самого родители кормят. Папа вон, вообще, сказал, что будет у меня в жизни еще тысячи таких королев. Одна королева хорошо, а тысячи – по-любому лучше!

А если женюсь, не будет больше – на этой королеве все и закончится.

Можно было отшутиться, да и Ира говорила наверняка не всерьез, только чтобы отвязаться от глупых подозрений, но паника – плохой советчик.

Сердечко мое задержалось, как препарируемая лягушка под током, и я жалко пролепетал:

– Но я же еще маленький, я несовершеннолетний...

Это сейчас, будучи взрослым дядькой за сорок, я понимаю, какую огромную ошибку совершил, а тогда...

Можно делать все.

Можно хамить, тупить, не приходить домой ночевать, можно врать и изворачиваться, в конце концов, можно даже изменить, хотя очень не рекомендуется. Одного делать нельзя – нельзя позволить усомниться любимой женщине в своей любви.

И решительности.

Любимая женщина должна быть всегда уверена, что этот смешной, невоспитанный и не всегда приятно пахнущий охламон пойдет за нее в огонь и в воду. Мир перевернет, горло перегрызет любому, не говоря о такой мелочи, как штамп в паспорте поставить. Если она будет уверена – простит все, а если не будет...

То и не будет ее очень скоро рядом.

– Маленький, значит, ты еще маленький... – словно только что проснувшись, не веря в навалившуюся на нее реальность, прошептала Королева.

– Ну, в смысле – не-не-несовершеннолетний, – заикаясь, уточнил я.

Никогда до этого я не видел Королеву злой.

Раздраженной, плаксивой, хандрящей – да, но не злой.

Вообще, она отличалась чрезвычайно спокойным и дружелюбным, воистину королевским нравом. А меня она еще и любила. Я даже подумать не мог, что это ласковое, дарящее мне столько радости и самоуважения существо может быть таким...

Вот еще секунду назад любила – и ее можно было потрогать, потереть ей волосы, сделать еще миллион разнообразных приятных вещей. И она с готовностью исполняла все

мои дурацкие прихоти. Подставляла волосы, терлась, изгибалась, мурлыкала и приоткрывала свои невероятные губы для поцелуя. Еще мгновение назад я был уверен в ней как в собственной руке. Разве может рука не почесать нос, если я этого хочу? Одно мгновение назад она была безоговорочно моей, а сейчас...

Чужое, злое, враждебное мне существо.

Щеки пошли красными пятнами, губы стали тоньше, черты лица острее, в глазах – презрение.

Не влезай – убьет!

Перемена случилась так быстро, без промежуточных стадий, что я просто испугался.

Меня частенько ругала мама, самая моя любимая и близкая до нее женщина. В детстве она даже меня била, но я твердо понимал, что она – моя мама и что она меня любит.

А тут я не понимал. Я ничего не понимал...

– Несовершеннолетний, значит? – спросила Королева, и ее шепот превратился в шипение: – Несоверш-шш-шеннолетний... хорош-шш-шо. Давай поженимся через пару месяцев, когда соверш-шш-шеннолетний будеш-шшь. Хорош-шшо?

Добрейший и милейший ласковый котенок окончательно превратился в гипнотизирующую меня змею. Я оцепенел от ужаса и не слушающим меня языком забормотал очередную чушь:

– Но... но... нам надо институт закончить. Нам... нам... родители не разрешат. Где... где... мы будем жить, что... мы будем есть...

– Пшш-шел вон, малыш-шш! – презрительно выплюнула Королева и отвесила мне – нет, даже не пощечину, а унижительный, сталкивающий меня в трясину ненавистного отрочества пинок.

И я пошел вон.

Конечно, мы потом помирились, но с тех пор любовь наша покатилась под горку.

Я еще пытался цепляться за уступы этой скользкой горы. Поумерил ревность, старался проявлять внимание, делал какие-то глупые подарки. Да и она старалась, временами все становилось почти как прежде. Королева раскрывала мне свои умопомрачительные объятия, смеясь, называла меня «сэр Шурик», но в самые честные и безоглядные моменты вдруг смотрела недоверчиво, и я понимал, что она не просто меня не любит, а противен я ей.

Омерзителен...

Она спохватывалась, быстро закрывала глаза, но я понимал, я понимал все.

И еще у меня появилось новое, якобы ласковое прозвище – Малыш...

Я до сих пор уверен: Ира не очень-то и хотела за меня замуж. Ответ я ей тогда: «Конечно, давай поженимся, завтра в ЗАГС идем», она бы задорно рассмеялась и забыла о дурацком разговоре через минуту.

Не понимаю, чего тогда я испугался, любил же...

Мог и жениться, люди и бо#льшие глупости делают в восемнадцать лет, и ничего – живут потом, даже счастливо иногда.

Наверное, голову не смог до конца отключить.

Проклятый математический склад ума подвел и еще – почти полное незнание женщин. Я воспринял ее слова серьезно. Предложение жениться, дальше – обдумывание и вывод: нет, рановато еще.

А зачем я вдумывался в ее слова?

Женские слова как музыка, в них не вдумываться надо, а вслушиваться. Наслаждаться мелодикой речи.

Мало ли что она сказала?

Но это сейчас я такой ушлый, и то – водится за мной грешок, до сих пор не могу пропускать смысл мимо ушей. Слишком ценю слово. Хотя понимаю – эта игра без правил. Она тебе – журчание, ты – вроде как тоже журчишь в ответ, но ни фиги подобного. Она все слышит, осознает и цепляется не то что к словам, а даже к звукам, к интонации, и помнит потом эту твою интонацию всю жизнь.

Как бы там ни было, непоправимые слова были сказаны, и Королева утратила сначала веру, а потом и любовь.

Дальше все происходило по неписанным, но неумолимым законам жанра. Это начинается любовь всегда по-разному, а заканчивается она всегда одинаково.

Страшная фраза у меня получилась, а зато правдивая.

Мертвые реки омывают своими мертвыми водами любовь, уносят ее далеко вниз по течению, во вселенский океан любви, куда когда-нибудь мы все уйдем. Только прежде чем мы уйдем туда, оставляют в нас мертвые реки не влажную прохладу, а выжженную сухую душу. И жаждем мы снова хотя бы капельку любви, потому что не живет душа без нее...

Люди – генераторы любви. Похоже, смысл их существования – выработать как можно больше этого чувства, отдать его мертвой реке и наполнить им великий океан.

Но вырабатываем мы любовь лишь через страдание. Так жизнь устроена, но, слава богу, кое-какие лазейки еще остались.

Чтобы не сойти с ума от боли, люди придумали массу хитростей. В восемнадцать лет я не знал ни одной. В книжках они не описаны, говорить о них не принято. Каждый сам, в меру своих способностей, рано или поздно до них доходит и бережно хранит в тайне. Нельзя говорить – засмеют, опозорят, сочтут скандалистом, не подадут руки.

Но я нарушу правила.

Мотив мой смехотворен и одновременно – крайне рационален. Зачем читателю потреблять сто первую сопливую историю о несчастной юношеской любви? Пора узнать что-то новое. По крайней мере, будет интересно.

Обещаю.

Королева начала меня избегать.

Ну как это обычно бывает: на переменах – важные разговоры с подружками; неожиданно много учебы навалилось – срочно нужно сдать курсовую; голова болит, в конце концов; грипп, простуда... заболела, да, заболела.

А что, нельзя заболеть?!

Нет ничего более унижительного и жалкого, чем отвергаемый любовник. Не отвергнутый, а отвергаемый. Вот эти две-три недели, месяц – максимум, когда еще на что-то надеешься, врешь сам себе. У нее плохое настроение – может, действительно заболела? Месячные, после месячных, перед месячными, читал же где-то, что бывает перед месячными или после... А сегодня дождь и перепады давления, возможно, она метеочувствительна? А на следующий день она, кажется, улыбнулась...

Ведь не все же потеряно! Не все, не все, не все?

Врешь сам себе – и знаешь, что врешь, но все равно врешь, потому что страшно признаться, лишиться себя не только любви, но и призрачной надежды на любовь.

Зачем я себя обманывал, понимаю – от трусости.

Но зачем она обманывала меня?

Мы же так хотели честности оба, чтобы не как у других, чтобы по-другому...

Наверное, слишком свежо еще все было. Мы еще помнили запахи тел друг друга, тела еще хранили тепло рук, а руки узнали бы тела друг друга на ощупь из миллиарда.

Нельзя резко. Страшно.

Надо лгать.

Любовь рождается в честности, а умирает во лжи. И не один кто-то обманывает, а всегда оба.

И всегда – себя. Всегда...

На весенние каникулы она сказала, что едет к бабушке в Ростов. Я навязался провожать на вокзал.

– Попрощаемся в метро, – отрезала Королева. – Не люблю долгих проводов.

Я приехал к ней в Братеево.

Она ждала меня у подъезда с чемоданом. Поцеловались, я взял чемодан, и мы пошли к остановке автобуса. Чемодан казался подозрительно легким.

«Да черт с ним, – гнал я от себя подозрения. – Достал я ее уже своей ревностью».

Нам предстояли восхитительные полтора часа пути до вокзала. За весь прошлый месяц я не провел с ней столько времени. В полупустом автобусе удалось сесть рядом; улицу не было видно, окна покрывали красивые узоры инея.

Сорок минут в хрустальной дребезжащей коробочке – подходящий антураж для воссоединения влюбленных.

Я вижу пар у нее изо рта – значит, живая, дышит, не превратилась окончательно в Снежную королеву, значит, есть еще шансы...

Кладу руку на ее маленькую ладошку.

Сейчас, сейчас помиримся, сейчас я найду самые нужные и точные слова, и мы помиримся.

Несколько секунд она терпит мою руку, а потом отнимает ее и остервенело чешет нос ладошкой. Нос у нее неожиданно зачесался.

Ей мое прикосновение невыносимо. Я вижу, насколько невыносимо.

Едем молча, больше попыток сближения я не делаю. Боюсь окончательно все испортить. Надеюсь на метро: может быть, там? Там, по крайней мере, теплее...

В метро, когда молчать становится уже неприлично, отваживаюсь на второй заход. Где-то в районе «Автозаводской» рассказываю ей новый очень смешной анекдот. В конце концов, я ведь когда-то покорила ее своим остроумием! Я смогу, я сумею, я влюблю ее в себя заново – и все будет как прежде.

Она даже не улыбается, только морщится, как от зубной боли. Ей невыносимо, ей тяжело терпеть мое существование на земле, особенно когда я рядом.

Бесполезно, все бесполезно.

В голову приходит одна из первых моих взрослых мыслей. Девки смеются глупым шуткам кавалеров не потому, что они смешные, а потому, что кавалеры им приятны, ободряют они кавалеров таким образом. А если кавалер неприятен, то будь ты хоть Хазанов...

Я взрослою, я стремительно взрослою.

Мне не хочется, грустно все это. Молчу. Протестую молча. Я не согласен, это нечестно, мы так не договаривались!

Набравшись храбрости и злости, спрашиваю:

– Что случилось? Ты меня разлюбила? Тогда зачем?..

Сразу понимаю, что зря спросил: пока не спрашивал – надежда еще оставалась, а так...

Королева смотрит на меня, из ее глаз скатывается слезинка.

Интересно, кого она жалеет – себя или меня? Или нас?

Мы приехали на «Павелецкую», надо переходить на Кольцевую линию. Это спасает от разборок. Мы оба облегченно выдыхаем, она бормочет невнятно:

– Ничего не случилось, чувствую я себя плохо...

Знакомо: она в последний месяц все время чувствует себя плохо. И причина ее болезни я.

Мы двигаемся по длинному переходу.

Чемодан убивает меня своей легкостью, чуть из рук не вываливается от своей сучьей легкости.

Невыносимая легкость чемодана.

Все очевидно, отрицать реальность глупо. Не едет она ни в какой Ростов, поэтому и прощаться желает в метро, а не на вокзале, и чемодан легкий поэтому. Избавиться от меня хочет на время коротких каникул, а сама хахаля нового искать будет.

Или есть он у нее уже? Скорее всего, есть.

Сейчас скажу ей все. Нет, лучше не скажу, а раскрою чемодан и презрительно швырну пустой ящик к ее красивым ногам. Как бойцы Красной армии швыряли фашистские штандарты к Мавзолею на Параде Победы.

А уже после скажу:

– Бесчестная ты тварь, Королева. И не Королева, а шалава подзаборная. Не достойна ты меня. Иди к своим ханурикам, не ровня ты мне отныне.

Я набираю в грудь побольше воздуха, резко поднимаю чемодан вверх... Но сдуваюсь, как проколота шина, и совсем на выдохе тоненько спрашиваю:

– А почему чемодан такой легкий?

Она молчит, она долго молчит.

Я не выдерживаю и бросаю ей соломинку, больше себе, чем ей:

– Наверное, у бабушки есть твоя одежда?

– Да, – быстро соглашается она, – в чемодане только белье.

Первая мысль: «А вдруг не врет?»

Вторая: «И слезинка у нее скатилась, не врет она...»

Третья: «Зачем такой большой чемодан для белья, могла бы и в сумку положить? Врет».

Четвертая: «Но ведь слезинка... Пятая, шестая, седьмая...»

Я прекращаю думать, тупо бреду за ней по переходу и презираю себя за мягкотелость.

Мы прощаемся на «Киевской» у эскалатора. Я наконец обнимаю ее, пытаюсь поцеловать в губы, она уворачивается, подставляет щеку. Я прижимаюсь к ее щеке, и мы стоим так... Долго. Минуту.

Хорошо так стоять, как будто она моя. Не хочу отпускать.

Не отпускаю.

Вдруг я чувствую влагу на своем лице.

Это не я плачу, это она. И дрожит.

Становится очень жалко ее. Это же Королева, моя Королева, и она страдает. Врет мне и страдает. Зачем я держу эту трепыхающуюся птичку в кулаке, зачем мучаю и ее и себя?

Надо отпустить.

Но не отпускаю, шепчу ласково и мстительно на ухо:

– Ну что ты, что ты... Давай до поезда провожу?

– Нет! – срываясь на визг, орет Ира, вырывает у меня пустой чемодан и не оглядываясь бежит по эскалатору вверх.

Она задевает чемоданом мирно стоящих у перил пассажиров. Не замечает ничего, бежит очень быстро, становится маленькой и исчезает в ведущем к свету тоннеле.

А я остаюсь стоять в красивом сталинском подземелье.

В аду.

Я теперь знаю, какая в аду самая страшная пытка.

Не костры, не котлы кипящие – надежда. Надежда толкает меня в спину и шепчет: «Она в Ростов уехала, и ты домой езжай, все еще наладится».

А в грудь меня бьет железными кулачищами правда: «Стой дурак, стой на месте, сам увидишь – спустится она через пять минут и поедет к себе в Братеево!»

Меня корежит.

И уйти не могу, и остаться.

Мелко, как впавший в религиозный экстаз хасид, качаюсь вперед-назад. Вот моя стена плача, все, что осталось от нашей любви: станция метро «Киевская», уходящий вверх эскалатор...

Эскалатор плача.

Время идет, каждая секунда приближает финал.

Сейчас она спустится, сейчас, сейчас...

Мои колебания становятся резче – со стороны это, наверное, напоминает падучую или модный в то время брейк-данс. Какая-то добрая женщина трогает меня за руку, встревоженно спрашивает:

– Молодой человек, вам плохо?

– Что? – не разбираю я ее слов.

– Вам плохо? – повышает она голос.

Он тонет в шуме тормозящего на платформе поезда, но на этот раз я понимаю смысл сказанного.

– Плохо-ooo!!! – очнувшись, протяжно кричу я и убегая в спасительно открывшиеся двери вагона.

За последующие восемнадцать часов я позвонил Ире больше ста раз.

Трубку никто не брал.

– Ну, возьми, возьми, сволочь! – орал я длинным гудкам в телефоне. – Возьми, тварь, это невозможно уже терпеть, поставь точку, возьми!

Еще недавно такой ласковый и добрый ко мне мир не хотел отвечать на мои вызовы.

Он меня игнорировал. Он объявил мне бойкот.

«Уходи, – выл траурным гудком мир, – ты не нужен, не важен, сдо-ooo-хни-ии, сдо-ooo-хни-ии, сдо-ooo-хни-иии...»

Я снова и снова набирал ее номер, я стыдился своих пальцев, вертящих телефонный диск, но все равно набирал. Выслушивал протяжный и презрительный ответ мира на мои мольбы, клал трубку на рычаг и думал, а потом снова набирал.

Мысли мои метались между катастрофой и надеждой: «Допустим, она дома и не берет телефон, но где, черт возьми, ее родители? Их нет, выходит. Это хорошо или плохо? Возможно, они в Ростове, у бабушки – ждут, когда приедет их любимая дочка? Тогда хорошо. Но она не говорила, что родители тоже едут. Ладно, могла и забыть. Но вдруг они не в Ростове, просто уехали к друзьям на выходные, а Королева сейчас совершенно одна в уютной квартире в Братееве, и любой может зайти к ней, лечь на маленький диванчик в ее комнате и... Любой, но не я. А может, она просто отключила телефон? Надоели звонки – и выключила. Я помню, у нее есть определитель номера. Я точно помню, это все объясняет... Господи, ну, почему я такой слабак, почему я не задержался у эскалатора на лишние пять минут? Была бы определенность, было бы больно, но не так больно, как сейчас. А может, она все-таки уехала? Или не уехала, вернулась домой, усталая от переживаний, и заснула крепко. Ответь, ответь, я все прощу. Я пойму, я сам не сахар, я достал тебя своей ревностью, только ответь, пожалуйста. Ну, пожалуйста, умоляю! Фу, какая я мерзость, оказывается, какой я слизняк. Правильно она меня бросила. Да с таким ничтожеством воздухом одним дышать противно, не то что сексом заниматься... Ответь, ответь немедленно... Ответь, тебе говорю!»

Я снова и снова набирал ее номер.

Телефон раскалится от непривычно интенсивного использования, он обжигал руки, но я его не выпускал.

Так и заснул под утро с горячим телефоном в руках.

Мне снились длинные и страшные гудки.

Я проснулся в одиннадцать, в кулаке зажата трубка, первое, что я услышал, – хрипы и треск из нее. Это я хриплю, это душа моя поломанная трещит... Я переселился в запутанные провода телефонной сети, мне не выбраться из них никогда. Я – помеха, я всем помеха, ей помеха, жизни помеха, разговорам помеха. Я просто шум и треск в проводах...

Пальцы помимо моей воли повторяют заученные до автоматизма движения.

Я набираю ее номер.

Снова длинные и траурные гудки.

Я долго слушаю их, а потом швыряю ненавистный телефон в стену. На стене остается вмятина, на полу – осколки последнего предмета, связывающего меня с ней.

Я вдруг пронзительно понимаю, какую ужасную глупость совершил!

Я вскакиваю с кровати, быстро одеваюсь и, даже не почистив зубы, выбегаю из дома.

Я еду к ней, в Братеево.

Как доехал – помню плохо.

Словно в черном грозовом шаре катился по холодной мартовской Москве. Темень перед глазами, вспышки, шум и грохот, и я – звенящая, напряженная дуга между надеждой и отчаянием.

Очнулся у ее подъезда.

И все понял.

Даже не входя в подъезд – понял.

Возле дома стояла знакомая белая «шестерка». Достижение советского автопрома все-таки задавило меня. Я больше не человек, я веду загробное существование – мешок раздробленных костей и порванного в клочья мяса. Каким-то чудом среди рваных жил и ошметков органов еще бродят мысли.

«Может, не заходить, – вяло и трудно думаю я, – какой смысл заходить – и так все понятно».

Разворачиваюсь, плетусь обратно на остановку автобуса.

Стою, мерзну.

По разрушенным нервам последней вспышкой угасающего тока пробегает импульс надежды: «Мало ли в Москве белых «шестерок»? Да даже если его... Может, он не к ней приехал, а к другу, например. Бывают же совпадения. Еще он говорил: отец иногда берет машину покататься. Я же потом всю жизнь себя грызть буду! Надо зайти».

Опять разворачиваюсь и иду к подъезду.

Почему-то вижу себя со стороны. Понятно почему – я же умер. Душа отлетела в небеса и наблюдает за еще трепыхающимся телом. Тело выглядит неважнецки. То ли пьяный, то ли обдолбанный парень тащится по не чищенным от снега дорожкам. На зомби парень похож, из клипа Майкла Джексона. Моя душа на небесах смеется. Забавно, а попробовал бы Майкл снять свой клип в московских серых снегах!

Зомби в снегах... Забавно.

Перед дверью Королевы душа возвращается в поломанное тело. Я больше не вижу себя со стороны. Я вижу черный квадрат звонка. Так вот что, оказывается, означает картина Малевича. Теперь я понял. Раньше смеялся, а теперь понял.

Я жму на звонок и проваливаюсь в черный квадрат. Там страшно и нет времени. Там звуки какие-то суетливые в этом черном квадрате. Перешептывания. И пятнышко света мигает в центре глазком. То вспыхнет, то исчезнет. Смотрят, решают: открывать или нет. Трахались, наверное, а я им кайф обломал.

Зомби, они такие – тупые очень. Никакого такта, им сам черт велел кайф обламывать.

Тем временем Королева открывает дверь.

Черный квадрат исчезает. За ним есть жизнь, за ним есть цвет. Только лучше бы не было – уж больно страшная жизнь, уж слишком кричащая и рвущая меня на части окончательно цветная достоверная правда.

Рядом с Королевой стоит Денис.

– Это не то, что ты подумал, – говорит он быстро пошлую фразу. – Я за конспектами к Ире заехал.

Откуда он знает, что я подумал?

Я столько всего за прошедшие сутки передумал.

Оказывается, все не то, по его мнению. Дурак, не может он знать.

Королева поумнее. Она за версту чует фальшь.

Она же Королева.

– Нет то! – твердо и даже с вызовом произносит она. – Это то, что ты подумал. Я давно тебе хотела сказать, Саша. Все, пора заканчивать.

Она назвала меня Сашей, не Шуриком, а Сашей.

Может, еще не все потеряно?

Кое-как устроившаяся среди ошметков моего тела душа корчится от смеха. Правда смешно, какие еще нужны доказательства? Все очевидно. Черный юмор в черном квадрате. Обхохочешься.

Я молча и тупо стою на пороге. Таращусь.

Атмосфера сгущается. Нужно какое-то действие, чтобы разрядить обстановку. Нужна финальная точка, и Королева ее ставит.

– Вот, смотри, – говорит она и виснет на шее у обалдевшего Дениса. Целует его в приоткрытый от удивления рот. Знакомый трюк – она меня так же при нем целовала в кафе «Лира».

Господи, как быстро заканчиваются люди...

Кажется, океан перед тобой безбрежный, не выпить никогда, а на деле – лужа.

Могла бы и новенькое чего-нибудь придумать.

Однако же все равно противно. Так противно, что я, не выдержав, сгибаюсь и блюю на коврик перед дверью. Не нарочно. Я ничего этим не хотел сказать. Задавленный белой «шестеркой» организм потерял над собой контроль и сделал самую естественную на свете вещь – освободился от скверны.

Денис расправляет свои маленькие плечи и шагает ко мне.

– Бить будешь? – спрашиваю я, вытирая рукавом куртки губы. «Ну что, – давясь хохотом, задает мне вопрос душа, – опять начнешь себя уговаривать?»

«И начну, – пытаюсь хорохориться я. – Он удивился, когда Королева его поцеловала. Не было у них ничего еще. Можно попробовать побороться...»

«Ну пробуй, пробуй...» – стонет душа и булькает где-то в районе пересохшего горла.

Я не пробую, напробовався уже. Хватит.

Хотя, возможно, и стоит дойти до конца. Мне мало быть брошенным, надо еще и получить по роже от удачливого соперника, в этом даже есть какое-то величие. Я смотрю на раздувающего ноздри Дениса и снова съезжаю на интересующую меня тему:

– Так будешь бить или нет?

– Нет, – благородно отвечает он, – но тебе лучше уйти.

– Ну нет так нет, – смиряюсь я. – Не переживай, я уйду. Думаешь, жить с вами здесь буду, что ли? Только у меня один вопрос есть к тебе, Ир. Вот ответишь – и я сразу уйду. Зачем вчера весь этот цирк с чемоданом? Я все понимаю: не сложилось, не получилось, но это-то зачем?

– А потому что... потому что...

Королева краснеет, судорожно втягивает в себя воздух, растет от набранного воздуха.

Сейчас я узнаю самую главную женскую тайну...

Мне правда интересно, точнее – мне все равно, я умер уже, но душе моей интересно. Пригодится, наверное, в будущих реинкарнациях. Душа даже перестает хохотать. Замирает, чутко вслушивается...

Не узнали мы с ней ничего. Набрав в легкие огромное количество воздуха, Королева с рыданиями выдыхает его обратно. Омывая слезами спину отважного Дениса, тихо стонет:

– Убери, убери его от меня. Видеть больше его не могу, уroda этого. Убери, пожалуйста!

Не дожидаясь, пока отважный Денис начнет меня убирать, я разворачиваюсь и выхожу из квартиры.

Сзади слышу торопливый хлопок двери.

Несколько минут я стою у лифта и пытаюсь осознать произошедшее.

Все, в общем-то, не так плохо. Я жив и относительно здоров. Пережил. Перетерпел, не расплакался. Можно даже сказать, что я вышел из ситуации моральным победителем. Одна беда. Я больше не чувствую свою душу.

Я больше не чувствую свою душу. Я ничего не чувствую. И не соображаю. Я потерял себя. Кто-то стоит у лифта. Не я, кто-то. Этот кто-то не знает, кто он. И зачем. И куда ему идти. У этого кого-то подкашиваются ноги, а в голове нарастает шум. Кто-то у лифта высыхает, как русло реки засушливым летом. Глаза его трескаются, воздух не по трахее идет, а по пластиковым трубам и не в легкие, а в ржавые железные баллоны. Влага испаряется. Несчастный кто-то перестает быть живым, становится механическим. Индустриальная конструкция. Нечто вроде нефтеперерабатывающего завода. За миг до окончательного превращения в груды хитро устроенных железок возникает крошечное живое чувство – травиночка, пробившаяся сквозь бетон. Непонятно, что за чувство, и некому еще понимать, но травиночка растет, оплетает собою грозные стальные постройки. Впивается в них, крошит изнутри и наконец взрывает индустриальную конструкцию к черту.

Страх – вот чем оказалась травиночка.

Страх буквально валит меня с ног, я падаю и ударяюсь лицом об угол стены. На губах чувствуется кровь. О, как восхитительно ощущать вкус крови во рту! Она такая теплая, соленая и живая...

Я жив.

Что-то мягкое истерично бьется в груди, лоб покрывает испарина, глаза заливают пот. Это все ерунда, главное – я жив.

Я не могу до конца поверить, что в последний момент удалось спастись. Провожу пальцем по губам, смотрю на кровь – и все равно не могу поверить. Нужно двигаться, не важно – куда и зачем, двигаться нужно, подтвердить, что я живой.

Я вскакиваю и бегу одиннадцать этажей вниз по лестнице. Ногой я выбиваю дверь в подъезде и оказываюсь на улице. Не останавливаюсь, сигаю через небольшой заборчик и прямо по сугробам – вперед.

Холод радует меня, набившийся в обувь снег восхищает, запахи гниющей помойки приводят в экстаз.

После чадящего нефтеперерабатывающего завода меня приводит в экстаз все!

Я пробегаю насквозь несколько дворов, я наслаждаюсь жизнью, я втягиваю носом загаженный выбросами Капотни воздух и цежу его, как дорогой коньяк; я почти забыл, что десять минут назад моя Королева меня бросила.

«Как хорошо, что забыл», – думаю радостно на бегу, но как только думаю, сразу останавливаюсь – и вспоминаю.

Все. Вторая серия, еще более страшная, чем первая.

Понаслаждался жизнью, и хватит. Зачем она мне, эта жизнь, зачем я ей? Она бросила меня, а точнее – выбросила, как ненужную испачканную салфетку. Место мое на помойке.

Гордость моя скомкана. Меня не Королева бросила, а жизнь. Мордой – в серый московский снег. В унылые спальные многоэтажки под низким небом Капотни. Капут мне. Здравствуй, Капотня! Я теперь твой житель навечно. Королева – не для меня. Для меня – Капотня, сегодня и завтра, и через тысячу лет, одна Капотня, будь она проклята!

Осознание чудовищной потери, упущенного – единственного в моей жизни – шанса, приходит медленно, но неотвратимо.

Я держался перед черным квадратом ее звонка, я хорохорился, когда увидел Дениса рядом с ней, я чуть не превратился в сухой и огнедышащий страшный завод. Я бежал с разбитой мордой несколько кварталов.

Я держался.

А сейчас мне не за что стало держаться. Пустота, вакуум, строгая определенность. Меня поставили на место. На мое место. В самом дальнем и пыльном углу мироздания. Строгая, очень строгая садистская определенность. Я склоняю голову перед этой определенностью, подчиняюсь ей, принимаю ее и, опустив плечи, сгорбившись и шаркая, бреду к остановке автобуса.

Как я похож на окружающих людей.

На всех этих нелепых советских граждан с авоськами и потухшими глазами.

Я смеялся над ними. Над их блеклой одеждой, зашуганными и одновременно агрессивными рожами, над их жирными женами и вялыми детьми. Я обзывал их «совками», подразумевая, что их удел – поглощать мусор. Производить бессмысленные, как и они сами, вещи, слушать фальшивую музыку, читать лживые книжки и произносить ничего не значащие ритуальные слова.

Теперь это все – мое.

Раз Королева не моя, то это – мое...

Я завидую моим юным друзьям, еще не нашедшим постоянной девушки. У них есть шанс, они еще смогут отыскать свою Королеву.

А я все, точно все...

Я сам виноват: упустил свое счастье, оказался недостойн, глуп, труслив и тщеславен. Я сам во всем виноват.

Мысль эта невыносима. Хочется плакать от обиды. Тупо сесть на серый снег и пускать слюни и сопли, тереть кулаками глаза, валяться в грязи, жрать землю...

Я стою на остановке, жду автобуса, ломаю ногти о холодные железные перила.

Только бы не расплакаться при всех!

Кусаю и так кровоточащие губы...

Не помогает ни хрена. Сейчас разрыдаюсь, упаду на самую нижнюю ступень позора – стану снова ребенком.

– Отчего ты плачешь, мальчик?

– Тетенька, меня девушка бросила-а-а!

Наконец подъезжает автобус. И слава богу, он, как и вчера, почти пустой.

Сажусь в самый темный и невидный угол, к окошку. Упираюсь лбом в покрытое изморозью стекло. Надо охладить голову, успокоиться нужно...

Не получается.

Первый шок прошел, тело расслабилось в удобном кресле, и я вспоминаю, что я собственно потерял. Не только любовь и будущее, не только гордость и самоуважение, не только лучшего друга.

Я потерял ТЕЛО.

Роскошное молодое тело, которым мечтали обладать все мужчины планеты Земля.

Я обладал, но больше оно мне не светит. Не греет, не ласкает, не подчиняется, не погибается по моему хотению и сучьему велению. Не улыбается, не целует, не треплет мои волосы, не пахнет умопомрачительно, не пружинит под моими руками, не становится мягким и податливым от прикосновений, не, не, не, не, не...

Не к стеклу в инее прилепился мой лоб, а к плите раскаленной, и она разогревает мои мысли.

Я вспоминаю Королеву по частям. И внутренне оплакиваю каждую ее недоступную мне теперь, но такую невыносимо прекрасную часть. Как будто не одного человека потерял, а большую дружную семью. Ее губы – мои сестренки, светлая им память, ее грудь – мать моя любимая. Прощай, мама. Ее руки – мои проказливые братишки, ее волосы, кожа, ноги, дыхание – все они мне кто-то. Самые близкие, самые родные... Горе у меня, страшное горе, хороню я свою безвременно ушедшую семью в мерзлую мартовскую землю. Убили ее. Я сам ее убил. И нет мне ни милости, ни прощения. И никогда не будет.

Силы мои кончаются. Я больше не могу сдерживаться, хлюпаю носом и плачу...

– Сынок, – обращается ко мне сидящая через проход женщина, – что с тобой, кто-то обидел? Я вижу, и кровь у тебя из губы течет. На платок, вытри, не бойся ничего, сейчас к метро приедем, я сама с тобой в милицию пойду. Быстро найдут этих хулиганов. А то распоясались все, с этой перестройкой! Не плачь, на платок, вытрись...

О господи! Она – точь-в-точь та тетенька, что привиделась мне на остановке. Добрый законопослушный совок. Она потащит меня в милицию, и мы составим заявление. Так все совки поступают. В УВД Каширского района от такого-то такого-то: помогите, меня бросила Королева...

– Нет, нет, спасибо, – торопливо отвечаю я, – это не хулиганы, это я споткнулся просто, упал. Все в порядке, я не плачу, немного больно, вот и все.

– Да-а, вот из-за таких, как ты, страна и разваливается, демократия эта, гласность. Бойтесь, не верите в советскую власть, а языками болтаете. Слушай, а может, ты и есть хулиган? Как его... неформал, вот! Все равно не отвертись, я тебя сама в милицию отведу.

– Я формал, тетенька, я еще какой формал... Служу Советскому Союзу! Будь готов, всегда готов!

Я вскидываю руку в пионерском салюте и нагло улыбаюсь кровавым ртом. Ненависть на время придала мне сил. Совки боятся силы, чувствуют ее за версту, успокаиваются...

– Все ерничаете, – опасливо бормочет тетка, – ладно, ладно... – И затихает.

Нельзя здесь плакать, в этом агрессивно-послушном социуме нельзя проявлять слабость. Сожрут. Надо срочно что-то придумать. Снаружи меня жрет социум в виде тетки. Изнутри воспоминания о Королеве. Меня скоро не останется. Меня доедят. В голову ничего не лезет. Глаза опять на мокром месте. Очень жалко себя.

Внезапно я слышу голос своего троюродного брата. Разговор тот состоялся на каком-то семейном торжестве, полгода назад. Его тоже зовут Саша, он на пять лет старше меня и вообще отличный парень. Крутой, работает наперсточником на площади у трех вокзалов. Мы убежали с ним тайком курить на лестничную площадку. На половине сигареты, внимательно посмотрев на меня, он неожиданно заявил:

– Знаю отличный способ разлюбить телку. Верняк.

– Да куда мне, Сань, я и не полюбил еще.

– Полюбишь, сто процентов, скоро полюбишь, да так, что разлюбить захочешь.

– Ну и что за способ?

– Надо представить, как девка...

Предложенный им туалетный способ избавления от несчастной любви был известен мне с начальной школы. Но он так живописно и сочно рассказал о нем, с такими подробностями, что старый анекдот обрел новые целительные свойства. Почти перформанс, концеп-

туальное искусство. Последней убийственной виньеткой являлся выход из тубзика бывшего ангела чистой красоты, измученного жестоким и продолжительным поносом.

Ни за что на свете я не хотел бы воображать в таком ракурсе Королеву.

Но положение мое было отчаянным. Если бы не тетка рядом... Выхода не оставалось, и я представил.

Вот она идет в туалет, садится на белый фаянсовый стульчак, ее ноги чуть раздвинуты, она изгибается... О боже, она изгибается, да это же скульптура, роденовский мыслитель, высокое искусство... Нет, не то, не в ту сторону меня понесло. Ладно, Саня говорил, что испражнение не главное. Следующий этап... Она отматывает бумагу от рулона, еще больше изгибается и... боже мой, она опять изгибается! Сколько можно, я этого не вынесу... Хорошо... это тоже не главное, переходим к финалу. Королева идет на кухню, берет своими прелестными пальчиками сопливую грушу и ест ее. Сок течет по ее алым губкам и щечкам, сок капает на ее острую грудь в домашней маечке... Ну это вообще уже убийственная эротика. Эммануэль, Греческая смоковница, Тициан, в конце концов, фламандские мастера натюрморта... И я это все потерял? Какой же я м... ме... му... не мудрый человек! Я дебил конченный, лох чилийский, ничтожество. А-а-а-а-а-а, да будь оно все проклято, плевать на тетку, сейчас заплачу...

«Станция метро «Каширская», конечная остановка», – объявил водитель, чем спас меня от окончательного позора. С разбитым ртом и припухшими от слез глазами я вышел из автобуса на площадь перед метро.

Третья серия.

Я думал – ничего страшнее второй не будет. Будет!

Жизнь моя отныне – бесконечный и унылый сериал. «Небогатые тоже плачут», например. Мне стыдно. Я, мнивший себя взрослым, уверенным человеком, воспользовался детсадовским способом. Представил, как она какает. Тысяча первый раз я подтвердил свою мелкость и недоразвитость. Опоганил саму память о нашей любви. Остается только мамке в юбку уткнуться и расплакаться. Мне страшно, я чувствую себя маленьким мальчиком, потерявшимся в огромном и враждебном мире. Вокруг люди, все спешат куда-то, у всех есть резоны спешить.

Делом все заняты.

Это их мир, они имеют на него право, а я здесь на птичьих правах.

«Чирик, чирик, не обижайте воробышка, киньте крошечку, спасибо, добрый человек».

Я ниже низшего, мне ничего не зазорно. В детстве я несколько раз терялся в больших магазинах. Сначала не понимал, что нужно делать, застывал в ужасе на одном месте и не мог вымолвить ни слова.

А потом понял.

Надо садиться на пол, сучить ножками и громко, на весь магазин, орать. Добрые люди обратят внимание, помогут, к маме отведут. Сил быть взрослым уже не остается. Слишком много я пережил за последние сутки, слишком много про себя узнал. Да, да, да – я ничтожество. Не достоин Королевы, такой, как все.

Малыш...

Ну и что, ничтожествам тоже жить надо.

У нас социализм, это в Нью-Йорке можно сдохнуть на улице, а здесь не дадут. Жалостливые обыватели подберут меня, проводят куда-нибудь, напоят чаем, уложат спать. И еще гордиться собой будут, что вот есть же на свете кто-то слабее их, а они вроде как люди. А я за это полюблю советскую власть, стану простым человеком, брошу институт, отслужу в армии: сначала дух, потом черпак и в финале дедушка. После устроюсь на завод сварщиком,

буду ходить на майские демонстрации с огромной бумажной гвоздикой в руках, осуждать чего надо, верить в агрессивные планы американской и израильской военщины.

Я все буду делать, только помогите, люди!

Я не выживу без вашей помощи. Я снимаю с себя всякую ответственность, пусть другие думают и переживают. Мне хватит, я пробовал – у меня не получилось. Простите меня, я больше не буду...

Я рассматриваю слякотный, размешанный тысячами пар ног асфальт, ищу место, куда бы рухнуть.

Я хитрый мальчик, я всегда был хитрым мальчиком, может, поэтому мне и удалось голову задурить Королеве. Ненадолго. Но сейчас всей моей хитрости хватает только на то, чтобы выбрать место для падения почище. Мое последнее, клянусь, последнее решение в этой жизни – дальше я думать и решать отказываюсь...

Я нашел место. Метр на полтора асфальта, без луж и слякоти, если поджать ноги – получится уместиться. Можно и не падать, конечно, можно просто расплакаться на глазах у толпы, но тогда инициация не будет полной, мое развенчание не окажется бесповоротным. Надо упасть и сучить ножками, и биться в истерику, и пускать зеленые пузыри соплей, тогда я буду помнить это всю жизнь, до самой своей тихой, непременно тихой (а какой же еще) кончины...

Я грустно, но уже и с любовью смотрю на место будущего падения. На глазах выступает влага, она везде выступает, по спине течет пот, ладони противно мокреют.

Много во мне скопилось всего, сейчас упаду и прорвет...

Влага? Влага...

Внезапно я понимаю, что ужасно хочу писать. Обоссаться, рыдая на улице, – к этому я еще не готов, это слишком. Оказывается, во мне осталась еще капля достоинства. Можно, конечно, найти общественный туалет или отбежать в ближайший двор...

А что, если... если в последний раз попытаться сохранить себя? Сосредоточиться на том, что мне очень хочется писать, на самом деле не очень, но если сосредоточиться... Нет, нужно дотянуть до дома, а там родные стены помогут, я успокоюсь и подумаю, как быть дальше.

Я решаю сопротивляться и захожу в метро.

На «Автозаводской» терпеть уже нет сил. Но я не сдаюсь, весь длинный перегон до «Павелецкой» как мантру повторяю: «Мне очень хочется писать, очень, очень...» Ближе к «Новокузнецкой» душевная и физическая боль достигли паритета. Я еще мог думать о Королеве, но о мочевом пузыре не думать уже не мог. Когда диктор в вагоне объявил: «Станция “Театральная”, переход на станцию “Площадь Революции”», в полном соответствии с его словами Великая физиологическая революция победоносно одолела любовь. Какая, к черту, Королева, когда в организме творится такое? На «Тверской» я понял, что зря поехал, лучше бы валялся на асфальте у метро «Каширская» и оплакивал свою Ирочку. На «Маяковской» я забыл ее имя, я и свое имя чуть не забыл. Сидел, крепко сдвинув ноги, изо всех сил напрягал паховые мышцы, пытался удержать неудержимую волну.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Белорусская», – раздался равнодушный голос.

«Моя станция», – чудом вспомнил я и почувствовал острую резь. Выходил из вагона я на полусогнутых. Люди подозрительно косились на меня.

Плевать, лишь бы допрыгать!

Дальше помню урывками. Как перешел на Кольцевую, например, не помню, а эскалатор помню очень хорошо. Для сокращения времени пытался не просто ехать, но продвигаться по ступенькам вверх. Уткнулся в спины каких-то диких колхозников с огромными баулами на ступеньках.

– Уйдите, – жалостливо пропищал я, на большее не хватило энергетического посыла. Естественно, они даже не шелохнулись.

– Уйдите, пожалуйста, – молил я их.

Ноль эмоций. От колхозников сильно воняло говнецом, луком и сивушным перегаром. Ко всем моим проблемам прибавилась еще и тошнота. «Вот сейчас как наассу вам в баул», – мстительно подумал я. Даже потянулся рукой, чтобы расстегнуть ширинку, но тут эскалатор вынес меня на поверхность, и я запрыгал к выходу.

Свежий воздух немного привел меня в чувство. Я уперся спиной в шершавую стену у двери и немного перевел дух.

До дома оставалось еще пятьсот метров по Грузинскому Валу.

Эта мысль вселила в меня ужас.

Целых пятьсот метров!

Да за это время можно сто раз обо... обо всем передумать. За это время можно открыть закон всемирного тяготения и снова его закрыть.

Боль в паху стала нестерпимой, перед глазами вертелись желтые и фиолетовые круги.

Нет, пятьсот метров мне не одолеть. За углом находилась привокзальная рыгаловка. До нее можно попробовать дотянуть. Там – моя земля обетованная, там прохладный оазис посреди знойной пустыни. Там из заплеванного писсуара бьет вожаделенный бахчисарайский фонтан...

Я уже совсем собрался рвануть к рыгаловке, но сквозь рези и боль, сквозь фиолетовые и желтые пятна в голову прорвалась упрямая мальчишеская мысль: «А для того ли я терпел всю эту бесконечную дорогу, чтобы сдать на пороге победы? Вот он, мой Эверест, всего в пятистах метрах от меня, а я сдаваться? Нет, врешь, не возьмешь...»

Я забыл, ради чего терпел такие муки, я забыл все – все стало неважным. Стиснув зубы, со зверским выражением лица я попер в атаку.

Люди, заметив меня, в страхе разбежались, только ко всему привычные айсоры на цветочном рынке хватали меня за руки, пытаясь всучить гвоздики по рублю за штучку. Но даже они, даже они отскакивали, будто ошпарившись, и смущенно бормотали:

– Извэны, брат.

Я шел почти вслепую, вокруг меня клубился черный непроглядный туман, в висках стучало, моча в буквальном смысле ударила мне в голову. Я чуть не пропустил свой дом. И только во дворе я осознал, что почти достиг своей цели.

Я остановился, зажмурил глаза, закусил щеки, часто и мелко задышал носом.

– Саша, миленький, что случилось, – услышал я знакомый голос соседки, тети Нины, – умер кто, не дай бог?

Открыв глаза, я попытался ответить, но, не сумев произнести ни слова, с нечеловеческим воем ворвался в подъезд.

Лифта я ждал невыносимо долго – девять этажей вроде, а как будто небоскреб. А может, мне это только показалось. Казалось, я чувствую кислый (хотя откуда я знал, интересно) вкус мочи во рту. Казалось, я не выдержу и сделаю лужу прямо в подъезде.

Но я не мог, как это – у себя в подъезде?

Да лучше сдохнуть.

Когда я поднимался к себе на этаж, мысль о том, чтобы осквернить лифт, уже не казалась мне настолько кошунственной.

Но я выдержал.

Самый трудный момент возник у двери, руки дрожали, ключ не попадал в замочную скважину. Близость победы расслабила мой бедный организм, я схватился рукой за причин-

ное место и на бреющем полете, чудом открыв дверь, все-таки дотянул до родного аэродрома...

Как это было приятно, черт возьми!

Влага прорвала плотину. Ниагарские водопады, реки, моря и океаны низверглись из меня. Оказывается, я носил в себе все воды мира. Человек на девяносто процентов состоит из воды, а я полностью. Я рыба, я океан, я лед и пар, я дарю себя этому сухому, черствому миру.

Я не superman, я лучше. Я waterman.

Мое водяное сердце билось где-то в моем водяном горле. Влага выступает еще и на глазах.

Я плачу. Плачу от счастья.

Это лучше, чем секс, круче, чем алкоголь и наркотики. Это круче всего – просто быть дождем. Бессмысленным и безграничным. Нескончаемым. Я нашел свой смысл жизни и свое предназначение – быть дождем. Сколько продолжалось это волшебное состояние, я точно не помню. Но долго, невообразимо долго, само понятие времени тогда исчезло. К сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Но вот именно это хорошее даже закончилось хорошо. Не резко оборвалось, оставив тоску о навсегда утраченном рае, а постепенно сошло на нет. Плавно, с небольшими перерывами, мягко и незаметно угасло. Так летний погожий денек, растворяясь в безумно красивом закате, оборачивается теплой и звездной ночью. Ночь – это тоже неплохо, тоже радость.

Блаженно потягиваясь, я вышел из туалета, лениво стянул сапоги и куртку, направился в гостиную и с разбега рухнул на мягкий диван.

– Вот теперь можно и пострадать, – сказал я вслух, – теперь можно...

Слезы не шли, в теле ощущалась невероятная и крайне приятная легкость. Я попытался вспомнить Королеву, ее губы, руки, кожу и волосы, свой высокий статус от обладания всеми этими сокровищами, горечь от утраты этого статуса...

Ни одной слезинки.

Да что там слезы – даже сердце не екнуло.

Подумаешь, Королева – да у меня будет еще тысячи таких королев, и ни одна из них не сравнится с волшебным чувством, испытанным мною три минуты назад!

Я испугался своих мыслей. Так, значит, я лгал, значит, все эмоции, вся моя любовь – ложь?

Нет, нет, в это невозможно поверить, еще час назад у метро «Каширская» я готов был валяться на асфальте и выть от боли. Два часа назад я был зомби, чуть не превратившийся в страшный нефтяной завод. А вчера в соседней комнате я до утра накручивал диск телефона, пытаюсь ей дозвониться. Если поискать под столом, еще можно найти осколки этого проклятого телефона.

Я любил, точно любил!

Это невозможно подделать. Как же так?

Нет, нужно сосредоточиться, обязательно вызвать эти капризные слезы – тогда все станет на свои места. Я просто очень долго терпел. Не мог же я тупо выплеснуть свою неземную любовь в унитаз?

Чтобы прийти в нужное состояние, я прибег к испытанному способу: песня Владимира Семеновича Высоцкого «Чуть помедленнее, кони». Одна мысль о ней всегда вышибала у меня слезу, а уж исполнение вслух...

Тяжело вздохнув и для верности откашлявшись, я начинаю петь:

– Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...

...Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Ничего. Хоть бы пот выступил, что ли? Я не сдаюсь, начинаю снова:

– Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому
по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...

Опять ничего. Даже в носу не защипало. Мне хорошо, мне неуместно и подло хорошо. Я повторяю бессмертную песню восемь раз. И все время с одинаковым результатом. Более того, с каждым разом мне становится все лучше и лучше, впору «от улыбки станет всем светлей» петь. А на девятый раз я понимаю... Я многое понимаю про себя, но еще больше – про людей в целом. Все не так, как пишут в романтических книжках. И в неромантических тоже. Все немножко по-другому. Человек, как это ни банально звучит, сложное существо. Все в нем есть. И любовь, и вот такой способ от нее избавиться. Только как жить с этим знанием тогда, в восемнадцать лет, мне было неясно. Много позже я узнал, что существует и другая любовь, не выдрать ее с мясом, не то что... Хотя, вероятно, есть и другие способы, о которых я не ведаю. Ведь вероятно же, правда?

В последнее время я все чаще возвращаюсь к этой глупой юношеской истории. Меня мучают одни и те же вопросы: а что, если бы тогда, по наитию, чисто случайно, я не нашел такого простого и эффективного способа? Как бы я отличил одну любовь от другой, настоящую от ненастоящей? И есть ли она вообще, настоящая, или все зависит только от эффективности способа? Ведь мог бы, раззадорив себя, вымолить у Королевы прощение и жениться. И возможно, был бы счастлив, и жизнь бы моя сложилась совсем иначе. Не знаю, лучше или хуже, но иначе. Нет ответов, у меня до сих пор нет ответов.

С вышеописанной (опять описанной, честное слово, не хотел, случайно получилось) истории минуло четверть века. Сами знаете, какие это были четверть века. Распад СССР, девяностые, подъем и суета двухтысячных, и вот сейчас опять... За это время я попадал во множество передраг. Иногда сама жизнь висела даже не на волоске, а вообще непонятно на чем. О некоторых ситуациях я, возможно, напишу, а о многих и писать-то нельзя. Ничего необычного, впрочем, у каждого из нас периодически возникают проблемы той или иной степени сложности. Такое время, такая страна... Но очень часто, на пике проблем, в ситуациях, которые, казалось бы, не имели выхода, я задавал себе один простой и где-то даже грубый вопрос: Саша, а не хочется ли тебе пописать? И вы знаете, помогало.

Продавцы ручек

Современные офисные центры похожи на храмы. Теряющиеся в вышине потолки, мраморные колонны, вместо алтаря – блистающий ресепшен. Дух захватывает, когдаходишь из мутного задымленного города в это кондиционированное великолепие. Однажды мне в голову пришла идея, что и называть эти современные храмы нужно в полном соответствии с устоявшейся религиозной традицией. Не «Монарх» какой-нибудь или нелепая «Tverskaya Plaza», а «офисный центр спаса на крови» или «бизнес-храм хрустов-спасителей» или «собор всех святых Юкоса и Ходора-страстотерпца», да мало ли названий существует для хорошего офисного центра. Деньги в нашем мире уже давно заменили Бога, пора и названия приводить в соответствие. Между прочим, я не шучу, что-то мне подсказывает, что этим все и закончится. Не сейчас, конечно, а лет через двести-триста. Прохорова пустынь, Гусинский собор, святая обитель братьев Ротенбергов и во главе всего Рокфеллер-центр новой религии на Пятой авеню в Нью – Йорке. Кстати, он уже построен, я видел его собственными глазами. Красивый, отличается высочайшими арендными ставками и главной елкой США, наряжаемой на Рождество. Процесс, что называется, пошел...

Вот о такой хрени я думал, заходя в одну из башен Москва-Сити и направляясь на самую важную в моей жизни встречу. Вообще-то самой важной в моей жизни встречей, как и у всякого человека, была встреча моих родителей. Не встретиться они в свое время, возможность других встреч отсутствовала бы у меня даже теоретически. Но людям свойственно забывать о главном, сосредоточиваясь на второстепенном. Из второстепенного состоит жизнь, а до главного добираются единицы, если вообще кто-нибудь добирается. Когда на кону стоят горы потраченного труда и финансовое благополучие разросшейся за последнее время семьи – не до философских обобщений. Точнее, и они сгодятся, но только для того, чтобы успокаивать трепещущее в груди сердце и расслаблять напряженные нервы. Сдается мне, что и вся философия с религией предназначены, по большому счету, для того же.

...Я подошел к блистающему алтарю ресепшен и протянул документ, удостоверяющий мою личность. Я – личность, кстати, у меня и документ об этом имеется. На фоне других личностей выгляжу достойно. Бизнесмен, upper midll class, застывший на границе, где начинаются высшие сферы общества, и пытающийся прорваться через эту границу. А ресепшен в новом офисном храме – пункт пограничного контроля. Миновав его, я попаду на личный досмотр и, если там все будет в порядке, окажусь в зоне вечного блаженства и duty free, где розовое шампанское, нарядные молодые женщины, воспитанные упитанные детки и самолеты, самолеты... В Ниццу, в Майами, на Мадагаскар, в другую, совсем другую, счастливую и беззаботную жизнь. Только нужно пройти досмотр. Это нелегко. Не зачуханный погранец его будет проводить, а сам Михаил Валентинович Сосиху-Зашкваркин, легенда русского бизнеса, серийный... нет, не убийца – предприниматель. Он начал с торговли китайским шмотьем на вещевых рынках в начале девяностых, потом продавал телефоны, производил сосиски и конфеты, раскрутил несколько водочных брендов, создал известную сеть быстрого питания «Подивись-подавись», а сейчас выращивает конкурента Сбербанку СосихуСтандартБанк. И у него получается. У него все получается. Наша гордость, self made man, ультралиберал-рыночник и обрусевшая американская мечта, ставшая явью. Знаменитый, но крайне непростой русский танец «цыганочка с выходом на IPO» был исполнен им филигранно, а главное, вовремя. Точно перед кризисом 2008 года. У одного из немногих в стране у него имелся кэш, и он скупал подешевевшие активы. Он и меня хотел скупить, вернее, не меня, а мой бизнес, и не он, а я мечтал ему продаться, но это не важно. Важно, что моя личность к концу 2010 года остро нуждалась в наличности. Закре-

дитована моя личность оказалась выше крыши, а бизнес – сеть офисов, продающих различные финансовые продукты от страховок до паев инвестиционных фондов, колебался на грани рентабельности. Еще чуть-чуть – и отдавать кредиты будет нечем. И тут такой случай, сам Сосиху обратил на нас, ничтожных, внимание. Продажа бизнеса инвестору решала все проблемы. Это как выйти замуж за принца. Только лучше, потому что Золушка после замужества должна удовлетворять принца всю оставшуюся жизнь, а я – только один раз. При продаже. С другой стороны, и у Золушки имелись свои плюсы. Она могла позволить себе ошибиться, сказать не то слово, повернуться не тем боком, вяло подмахивать или не сбрызнуть отросшую щетину на стройных ножках. Все можно исправить, в году 365 ночей, и лет ей с принцем предстояло не мало. Я права на ошибку не имел. Сосиху-Зашкваркин должен был остаться полностью довольным. Только довольный и окончательно расслабленный человек мог заплатить за мой неустойчивый бизнес такие несусветные деньжищи.

Удовлетворить серийного предпринимателя родом из девяностых – дело непростое. Смесь флибустьера, гопника и фаната Айн Рэд, с каждой удачной серией в таких персонажах замешивается все гуще, и в конце концов получается настолько твердая и причудливая субстанция из наглости, самомнения и уверенности в собственной непогрешимости, что пробить ее практически невозможно. Но необходимость – мать чуда, и поэтому я ее пробую, и не такие смеси в своей жизни пробивать приходилось. Юристы – экономисты великого Сосиху уже сделали свою работу, два месяца торчали у меня в офисе и после нескольких совместных пьянок, удобренных мелкими подношениями и одолжениями с моей стороны, дали своему боссу рекомендацию покупать. Они же меня честно предупредили, что их рекомендация мало чего значит. Серийный предприниматель жил и работал по старинному мафиозному принципу – хочешь сделать что-нибудь хорошо, сделай это сам. От предстоящей встречи зависело все. А еще они мне сказали, что окончательное решение Сосиху-Зашкваркин принимает после того, как претендент на покупку бизнеса продаст ему ручку. Мол, если и ручку продать не сумеет, чего о бизнесе говорить. Известная тема, очень распространенная среди предпринимателей девяностых. Забавный тест, выдуманный американскими маркетингологами, идеально лег на менталитет русских гопников и стал в те времена иконой стиля и высшим шиком. «Купи ручку», в принципе, мало отличалось от знакомого «купи кирпич», но более соответствовало новым реалиям наступившей рыночной экономики. Потом, конечно, все трансформировалось и приобрело новые смыслы. В офисном храме, например, смысл заключался в спасении меня от финансового краха и обретении долгожданной свободы. Миновав первый заслон к счастью в виде ресепшен, я сел в лифт и вознесся в небеса на сорок какой-то этаж успеха и всеобщей зависти. Я шел продавать ручку. Самую дорогую ручку в своей жизни.

* * *

Ожидая в приемной пока меня соизволят принять, я в очередной раз поражался иронии судьбы. Жизнь закольцовывалась и рифмовалась. Моим первым сознательным воспоминанием было то, как я в пять лет спер из прачечной привязанную там веревочкой ручку. Не смог удержаться, пришел домой, разрисовал обои своими детскими мечтами – от зефира до танков и складного велосипеда «Кама», свято верил в реальность нарисованного, был допрошен, бит строгой матерью и отправлен в наказание возвращать ворованное с извинениями. Один. В первый раз один к чужим людям в незнакомый и враждебный мир. Тогда все кончилось хорошо, и вот теперь опять ручка...

...Сосиху, как бы оправдывая свою фамилию, не принимал меня уже больше часа. Я прекрасно понимал, что это просто трюк такой, естественное желание вывести из равновесия потенциального контрагента, расшатать его психику, чтобы в последний момент снизить

цену. Понимать-то я понимал, но психика и в самом деле начала расшатываться. Простые приемы всегда работают безотказно. Не желая попадаться на дешевый трюк, я стал думать о совершенно посторонних вещах. О ручке, например. С удивлением обнаружил, что почти вся моя сорокалетняя к тому времени жизнь крутилась вокруг этого воистину сакрального предмета. Да что моя... весь мир вокруг него крутился. Все продавали и покупали ручки. И в принципе ничем больше не занимались. Вот так задумаешься от нечего делать о какой-нибудь ерунде – и делаешь потрясающие открытия. Но обо всем по порядку.

В восемьдесят девятом году, будучи на втором курсе института, я увидел криво прилепленное к автобусной остановке объявление: «Требуется помощники брокера для работы на бирже». Незадолго до этого судьбоносного для меня события я расстался с первой своей девушкой и находился не то чтобы в печали, но в некоторой дезориентации в пространстве и времени. А тут брокер, биржа... В отличие от большинства своих советских сверстников, я знал, что означают эти слова. Трилогия Теодора Драйзера «Финансист – Титан – Стоик» была зачитана мною до дыр, а ее главный герой Фрэнк Каупервуд выполнял в моем личном пантеоне героев роль Павки Корчагина. В общем, я позвонил. И был приглашен на собеседование.

Со мной разговаривал пятидесятилетний дядька во взрывающем воображение клетчатом пиджаке канареечного цвета. Плохо разговаривал, вернее, плохо по-русски разговаривал, с каким-то чудным акцентом, издавек принимаемым за одесский, но вблизи им условно не являющимся. Видимо, мои честные глаза выдали мое честное недоумение.

– Меня зовут Гольдштейн, молодой человек, Фридрих Гольдштейн, – на манер Джеймса Бонда представился дядька и продолжил нагнетать: – Фридрих Гольдштейн из Нью-Джерси, США. Ви что-то имеете против?

– Против чего? – уточнил я, пытаюсь пошутить. – Против Нью-Джерси, США или вас?

– Против всего, – не понял юмора дядька.

– Нет, – ответил я. – Меня с детства учили быть «за». За все хорошее, за мир во всем мире и дружбу народов. Так что я «за».

– О, боу, ви мислите позитивно, молодой человек. Это хорошо, это поможет вам в жизни. А продавать ви умеете, на бирже нужно продавать. Знаете, шо такое биржа?

– Знаю, – ответил я гордо, – конечно, знаю, Драйзера еще в детстве читал.

– Ви еврей, молодой человек?

– Нет, – удивленно ответил я, не понимая, где связь между чтением Драйзера и зачислением меня в евреи.

– Но ви любите евреев?

– Я всех люблю, всех людей в принципе считаю хорошими, пока они мне не доказали обратное.

– Жаль.

– Что жаль?

– Жаль, что ви не еврей, такой хороший неглупый молодой человек, и не еврей. Жаль...

– А что, только евреи могут быть хорошими и неглупыми? – не выдержал я, но тут же спохватился. – Нет, вы не подумайте, умная у вас нация, очень, один Эйнштейн чего стоит, но ведь есть и остальные народы...

– Ви же сами сказали, читали Драйзера, еврейская фамилия, в нашем городе раввина так зовут, он тоже книжки пишет о технике обрезания, вот я и подумал...

– Теодор Драйзер – великий американский писатель и, по-моему, не еврей! – отчеканил я с вызовом и внутренне возмущился. Как можно быть настолько заикленным на своей национальности, что перепутать божий дар с яичницей?

– Ладно, – расстроено сказал дядька, – пусть не еврей, пусть великий, это таки не важно, ви правы, молодой человек. Ви лучше продайте мне ручку.

– Какую? – спросил я, озираясь по сторонам и не видя никакой ручки.

– А вот эту, – сказал дядька, вынимая из кармана канареечного пиджака паркер.

В то время я еще не успел увлечься дзэн-буддизмом, и неразрешимые логические парадоксы вводили меня в состояние ступора. У человека была ручка, я сам видел, он вытащил ее из кармана собственного пиджака. И он предлагал мне ее продать, причем ему же. Что это значит? Зачем ему покупать свою ручку? И что должен делать я? Сумасшедший, явно сумасшедший, псих из американской Жмеринки, приехал из-за океана маньячить на родину предков, сейчас вцепится зубами в горло. Или завербует. Возможно, он агент ЦРУ, специально меня запутывает, ослабляет волю к сопротивлению. А потом завербует. Точно завербует, бежать надо. Я совсем было собрался бежать, но маньяк-агент, почуяв неладное, развеял мои сомнения.

– О boy, это тест, молодой человек, что же вы все так пугаетесь, будто я вам в Ленина стрелять предлагаю? В Ленина, если вы не знаете, уже стреляла тетя Фаня, он уже лежит здесь неподалеку, буквально как живой, живет всех живых, только мертвый немножко. Это тест, молодой человек, просто безобидный тест на способность к sales. Продайте мне эту чертову ручку, и я поверю в вас, как в неминуемую победу коммунизма. Ну же, молодой человек.

– Но зачем, – решил спросить я, – зачем продавать вам вашу собственную ручку, она же и так ваша?

– Не разочаровывайте меня, молодой человек. Я уже. Пятнадцать лет назад я уже разочаровался и уехал к дяде Сэму очень печальный. Очень. И вот теперь вы опять? Хорошо, если вам так проще, я дарю вам эту ручку. Вот берите, а теперь продайте ее мне.

– А если не продам, – решил уточнить я, – она останется у меня?

– А если не продадите, у вас, молодой человек, останется такой же глупый кочан капусты вместо головы, как и до нашей встречи. Ручку в этом случае я буду вынужден забрать назад. Зачем кочану ручка, сами посудите? Тест это, просто тест, вы же, молодой человек, знаете слово «биржа», Драйзера читали, хотя и не того, которого бы мне хотелось бы. Напрягите воображение, забудьте о пионерах-героях и социалистическом реализме. Это тест, абстракция, ничто... ну...

Я забыл и напряг, как просил дядька, воображение в голове моей зашумело, щеки покрыли красные пятна, а из сведенного судорогой рта вылетел еле слышный сдавленный стон:

– Купите ручку... у меня...

– Отлично! Great! Великолепно! – воскликнул дядька и от полноты чувств выскочил из-за стола. – Good job, вы таки сделали это! – С минуту он бегал вокруг меня и хлопал от радости в ладоши, но потом вдруг огорченно остановился и вытащил из другого кармана пиджака еще один паркер. – Ой, какая незадача, у меня уже есть ручка. Мне так не хочется вас огорчать, вы такой милый юноша, но у меня есть ручка. Шо же мы будем делать, а?

Мне снова захотелось убежать, весь мой опыт жизни в СССР взывал ко мне иерихонскими трубами. Стыд-то какой, позор-то какой, торгашество-то какое умолять мелкого беса в канареечном пиджаке купить ручку, как будто я нищий, как будто мне жрать нечего. Николай Гастелло мне бы этого не простил, Александр Матросов презирал бы меня, пионер-герой Марат Казей проклял. Советский мир в моих глубинах дрожал от напряжения, но сопротивлялся. Очень хотелось швырнуть паркер, в наглую рожу мелкого капиталистического беса, я уже поднял руку, чтобы сделать это, но вдруг... вспомнил фильм, даже не фильм, а картинку из фильма, классическую картинку, где светящиеся небоскребы Нью-Йорка отражаются в водах Гудзона, а на залитом огнями реклам Таймс-сквер встречают Новый год хохочущие свободные люди. И каждый второй в умопомрачительных смокингах, а женщины в блестя-

щих платьях и с фужерами пенящегося шампанского в руках. И над всем этим великолепием плывет бархатный голос Элвиса – «Blue Cristmas...».

Я посмотрел в окно и увидел обшарпанную московскую улицу 1989-го перестроечного года. Около винного магазина напротив стояла, загибаясь за угол, длинная очередь из помятых, невзрачных существ обоих полов. По тротуару медленно и обреченно плелись нагруженные авоськами женщины. Одна из них, как матрос Железняк пулеметными лентами, была крест-накрест обмотана рулонами туалетной бумаги. По дороге, чадя черными дымами, изредка проезжали ржавые уродливые автомобили. Моросил дождь. Мой внутренний СССР зашатало, держащие его атланты вроде Гагарина и Маресьева согнулись, издав какой-то жалобный и даже неприличный стон. Все рухнуло. В одну секунду, в один миг рассыпалось в пыль, как будто и не было ничего. Мне стало легко, вместе с погибшей великой страной исчез стыд. Слова полились из меня как бы сами собой, без моего участия. Журчали, переливались. И гладко так. И убедительно.

– Одной ручки для такого солидного дельца, как вы, мало. Ну вот представьте себе, шанс человека может ждать за любым углом, за любым поворотом. В кино, в бане, в поезде и самолете. Разговорились вы, допустим, с человеком, а он оказался не просто человеком, а очень нужным человеком. Директором завода, американским миллиардером, министром, наконец, чем черт не шутит. И вот вы делаете с ним бизнес, быстро набросали на листе бумаги договор. Он прочитал и согласен. И нужно подписывать, пока он согласен, потому что миллионы на кону. Завтра может опомниться, остыть, передумать. Сегодня, сегодня нужно. Сейчас. Вы достаете ручку, она, конечно же, при вас, вы все предусмотрели, ко всему готовы, но вдруг... Вдруг она отказывается писать. Кончились чернила, сломалась, засохла, замерзла, мало ли что может случиться. И все. Шанс упущен. Другого может не быть никогда. Вы это понимаете, глазами полными слез смотрите вслед удаляющемуся шансу. А потом... потом... Потом от расстройства прыгаете, к примеру, с моста. Из-за чего? В сущности, из-за ерунды. Из-за ручки. Но вы, как разумный человек, крупный делец с большим опытом, безусловно, этого не допустите. Вы купите вторую ручку. Вот эту, которую я держу в руках. Вы купите ее прямо сейчас, потому что шанс может появиться тоже прямо сейчас. Шансы ведь не автобусы, они по расписанию не ходят.

Мне казалось, что я произношу этот монолог на одном бесконечном выдохе. Что-то поперло из меня, я сам был в шоке. Как очнувшийся от транса медиум недоуменно озирался по сторонам. Много позже я понял, что действительно тогда впал в транс. Не забавная пурга лилась из меня, не бесполезный воздух сотрясал обшарпанные стены арендованной советской конторы. Из меня исходило будущее. Канареечный дядька из Нью-Джерси понял это гораздо раньше. Благоговейно сложив руки на груди, он подошел ко мне и с религиозным почти экстазом тихо произнес:

– Ви первый, я неделю уже здесь торчу, но ви первый, кто продал. У этой страны таки есть будущее, а у вас оно точно есть. Я знаю, шо говорю. Мне пятьдесят лет, я жил в Черновцах и в Нью-Йорке. Теперь я здесь, потому что здесь будущее. Ничего особенного, молодой человек, ви ответили, как по учебнику. Только ви его не читали, ви его написали сейчас при мне. А стиль, а свобода... Поздравляю, ви продали-таки ручку и себя вместе с ней. Договор кровью скреплять не будем. Лишние спецэффекты ни к чему. Ви приняты на должность помощника брокера.

Так я продал свою первую ручку, получил первую нормальную работу и похоронил великую страну, в которой родился и вырос.

* * *

«...и на обломках самовластья напишут наши имена». Ошибался Александр Сергеевич, не имена написали на обломках самовластья, а цифры. Вот сижу в приемной Сосиху-Зашкваркина, жду своей цифры. А кто он такой? Просто чувак со смешной фамилией, в школе, наверное, дразнили, сейчас, небось, не дразнят, потому что цифра он. Не самая большая, но внушительная, внушающая уважение. На столике в приемной лежат деловые журналы, там тоже цифры. Таблицы, списки, рейтинги... Список Шиндлера канул в вечность, зато всплыл список Форбса. Напротив каждой фамилии цифра. И даже напротив фамилии президента цифра рейтинга. Все эти люди хорошо умеют продавать ручки, я в этом уверен, потому и цифры у них такие бесконечные. Цифровая эпоха рождает цифровых героев. Лишь богатые спасутся и войдут в царство Божие. Правда, оно будет немного виртуальным, тоже цифровым, но это ничего, другого спасения все равно нет. Бог из машины – вчерашний день, сегодня бог – из цифры. Я тоже могу спастись, для этого надо напрячься, продать ручку и получить свою цифру. Маленький, но достаточный пропуск в рай. Мне плевать на иерархию, я не хочу быть архангелом и стоять близко к трону цифрового царя. Я бочком, бочком, с краешку. Немного прошу. Еды и образования для деток, хороших врачей и здоровья для родителей, мир посмотреть, а главное – не унижаться. Не хочу больше унижаться, не желаю больше продавать ручки! Сейчас в последний раз продам, и все... Завяжу. Только вспомнить надо, как это делается, давно я ручек не продавал. Закрываю глаза и вспоминаю...

...Мир быстро менялся. Перестроечная романтика в три августовских дня превратилась в жесткач девяностых. Помню, тогда ручку было популярно продавать как оружие. Типа пришли к вам рэкетеры, избили, утюг вам на пузо приладили, паяльник в одно интересное место засунуть готовятся, а вы ручкой им в глаз, стержнем им в горло, шариковым острием в поломанные боксерские уши... Покупали. Потом устаканилось все слегка, о выгоде думать начали, постигали первые азы экономической логики. «А вы знаете, что самые большие состояния делаются на самых мелких вещах? Семечки, заколки, зажимы для галстуков, ручки... Маржа фантастическая, купите ручку, да не одну, а оптом, продадите в пять раз дороже!» Покупали. В середине двухтысячных наступила эпоха гламура. Ручка снова перестала быть товаром и превратилась в понты высокой степени очистки. Если у вас нет как минимум Картье из двадцатичетырехкаратного золота, никто с вами не подпишет даже договор на поставку капусты в занюханную овощную лавку. Покупали и понты. Кризис восьмого года немного всех отрезвил. Особенно слова Путина, обращенные к Дерипаске после подписания невыгодного для олигарха контракта в бастующем моногороде Пикалево: «А ручку-то оставьте». Один шустрый малый в то время на собеседовании продал мне ручку в жестком антикризисном стиле. «Купите, – сказал, – эту простую копеечную ручку, а то Путину оставить нечего будет». Я тут же взял его на работу. Кстати, оказался действительно неплохим сэйлзом.

Главный секрет ручек я понял еще в середине девяностых. Не важно, как их продавать, способов существовало миллион. Не важно даже, продал ты ручку в конце концов или нет. Нужно как можно скорее оказаться не среди тех, кто продает, а среди тех, кому продают. Это и являлось основной целью продажи. Очутиться по другую сторону баррикад в виде стола, разделяющего вас с потенциальным боссом. О, это восхитительное чувство, когда ты, небрежно развалившись в кресле, слушаешь бляения очередного сосискателя хорошей жизни. Ты уже все... прорвался, испил свою чашу дерьма до дна, а этому еще предстоит, и от тебя только зависит, удастся ему или нет. Дедушка ты, умудренный опытом, в непобедимой и легендарной советской армии, аксакал, высшее существо. Если тебе продают ручку – ты высшее существо... Чуть позднее, когда мой начальственный стол стал повыше и пошире, я

понял, что не существует, к сожалению, чистых продавцов и чистых покупателей. Все люди от последнего бомжа до первейшего миллиардера как паста «Колгейт» – два в одном. И продавцы и покупатели. Сегодня сидишь и выслушиваешь жалкое лепетание претендента на скромную зарплату, а завтра пришел к тебе в офис средней величины чиновник, и уже ты лепечешь что-то невразумительное. Пытаешься продать чиновнику ручку, дружбу, любовь, все свои самые лучшие и позабытые чувства, потому что от чинуши зависит благополучие семьи и сытость твоих детей. А нелепый вчерашний соискатель в это время, потягивая пиво, развалился в трусах на диване и лениво смотрит по телику рекламу, где его, в свою очередь, умоляют, убаюкивают, заклинают, лишь бы он купил что-нибудь. Свечи от геморроя, дезодорант, «Шкоду Октавия», «Сникерс», «Твикс», крем до, после или вместо загара. Ту же ручку, все ту же проклятую ручку... И даже великий Сосиху-Зашкваркин, когда на него наезжали лубянские генералы, умолял их, заклинал и убаюкивал. Я это точно знаю, мне его менеджеры по пьяни разболтали. Круговорот унижения в природе. Все друг друга унижают. И получается... такими низкими все стали, что и не разглядеть уже людей. Похудели, сплюсцились, превратились в цифры.

... Уже полтора часа зажавшийся и раздувшийся прыщ со смешной двойной фамилией Сосиху-Зашкваркин не желает меня принимать. Я – сиротливо съездившаяся в дальнем углу необъятной приемной единичка, а он, огромный, с округлыми солидными боками нолик, мне бы прорваться к нему, понравиться ему, встать рядом – и тогда... Тогда моя ценность возрастет на порядки, и можно будет расслабиться, забыть обо всем, вспомнить, что человек я, а не белка в проклятом ускоряющемся колесе, что дети у меня не только для того, чтобы думать об их пропитании, но и чтобы наслаждаться ими, передать им нечто важное, что сам понял. И жена у меня не для того, чтобы просить очередную пачку бумажек для очередных неотложных покупок, а еще она может чего-нибудь у меня попросить, и я у нее. И природа не ограничивается вечной пробкой по пути на работу. И сам я не оцифрованный странник в унылой, похожей на тюремную решетку матрице, а Божье создание, вершина эволюции, духовное, можно сказать, существо. Я вспомню, я обязательно все вспомню, нужно только продать этому пресыщенному самоуверенному засранцу переходящую волшебную палочку, и он будет водить. А я уйду на покой. «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Я знаю, что есть, раз Александр Сергеевич сказал, то точно есть, сомнений быть не может... Но как же все-таки продать прожженному аферисту ручку? Он многое повидал, тут простые схемы не работают. В последнее время стало модно толкать ручку под соусом инноваций и нарождающейся интернет-экономики. А что, если ручка будет с доступом в Интернет? Бред, конечно, зачем ручке доступ в Интернет, это же ручка, а не компьютер. Ну допустим, чтобы сразу выкладывать великие мысли великого Сосиху-Зашкваркина в Твиттер или блог. Человечество не переживет и секунды без его великих мыслей. Сдохнет человечество от тоски и бесперспективности. А тут написал – и сразу опубликовано, еще и фотку можно добавить великого человека в момент, когда ему мысль в голову пришла. Полный онлайн, полнее некуда... Нет, бред, хотя рациональное зерно имеется. Давить на тщеславие потенциального покупателя, в принципе, верный путь. А у Сосиху, кроме тщеславия, ничего больше не осталось. Не на что больше давить... Ладно, запомнили как вариант...

Или от обратного пойти? Никакой моды и изысков, гениальная обезоруживающая простота. Мол, купите у меня ручку, вам все равно, а для меня вопрос жизни и смерти. Купите ручку, и моим деткам будет что покушать и на что выучиться. Из них хорошие люди получатся, обещаю, клянусь... И родители мои проживут на несколько лет больше и в несколько раз лучше. И сам я стану значительно добрее, перестану бросаться на людей, орать, беситься. Может быть, по запущенной вами цепочке пойдет импульс добра. И кто-то кого-то не убьет, а возможно, чем черт не шутит, и пожалеет. И мир немного улучшится. И ваша, уважае-

мый Сосиху, потрепанная миром карма тоже... Нет про потрепанную миром карму говорить нельзя. А в остальном хорошо. Можно попробовать. Как вариант, как вариант...

Оригинальным нужно быть, непредсказуемым. На этих пресыщенных сэлф-мэйд-мэнов только шоковые методы и действуют. Тараном бронебойным стену из величия и самоуверенности пробить нужно, кувалдой, ядром пушечным, чтоб до костей пробрало. Например, услышав предложение продать ручку, молча встать, подойти вплотную к великому бизнесмену и упереть ему шариковое острие в сонную артерию. Почти до крови, а если надо – и до крови. «Купи, падла, ручку, – сказать ледяным шепотом, – купи, а то умрешь. Я псих, у меня и справка имеется. Мне ничего не будет. Ручка или жизнь? – И поднажать сильнее, а когда поверит, испугается, отпустить сразу, аккуратно поправить ему воротник рубашки и произнести светским тоном: – Ну вот, Михаил Валентинович, я и продал вам ручку». Проймет, сто процентов пройдет, стыдно ему станет в своей слабости признаваться, заржет и купит ручку. Какой соблазнительный вариант, тут главное не переборщить, не проткнуть ему острием накачанную шею, я ведь ненавижу его. Мы все ненавидим тех, от кого зависим, а поскольку все зависят ото всех, мир захлебывается в ненависти. Забавное открытие: продавцы ручек ненавидят покупателей, поэтому и продают столь ненужный им предмет. Покупатели, кстати, тоже ненавидят продавцов и в отместку ставят перед ними такую сложную, почти невыполнимую задачу. Продать ручку.

Господи боже мой, куда катится мир, куда я прикатился? В детстве думал о покорении космоса, на Марс хотел полететь. В юности мир пытался изменить, у Белого дома в 91-м три ночи стоял, умереть готов был за свободу. В молодости влюбился и поклялся себе, что сделаю жизнь своей возлюбленной самой прекрасной на свете. Делаю. Продаю ручку, бессмысленный, отживший свое в век смартфонов предмет. В космос не полетел, свободы не получил, жизнь возлюбленной испоганил, а собственную жизнь потратил на куплю-продажу фетишей неизвестно чего. Да что же это со мной, что я здесь делаю, зачем? Потерялся я, голова моя кружится, а внутри ее кружатся мысли, невозможно зацепиться ни за что, сконцентрироваться...

– Михаил Валентинович вас ждет. – Равнодушный голос секретарши доносится очень издали. Слово стало я все-таки космонавтом и подлетаю к Марсу, а ЦУП пытается до меня докричаться сквозь миллионы километров пустоты. В полном соответствии с законами физики я понимаю смысл сказанного с задержкой.

– Что? – переспрашиваю недоуменно и ору снова, пытаюсь преодолеть помехи связи. – Что?! Что?! Что?!

– Ждет вас Михаил Валентинович. – Так же равнодушно, меняя на всякий случай (для тупых) порядок слов в предложении, повторяет секретарша. И до меня доходит наконец-то. Ждет. Я буквально врываюсь в вождельный кабинет, словно в плотные слои атмосферы незнакомой планеты. Слои очень плотные. Раскаляюсь я от трения и от злости. На себя в основном. Дофилософствовался, домечтался, чуть не просрал самую важную встречу в своей жизни. Но ничего, вовремя я опомнился, а злость – это даже хорошо. Она поможет. Я снова собран и нацелен на результат. Я покорю эту неведомую мне планету, выхода у меня другого не остается. Покорю и вместо древка флага воткну в ее жирную плодородную почву гигантскую золотую ручку. Это я умею, это единственное, что я умею – втыкать, толкать, втыкивать гребаные, никому и мне самому тоже не нужные ручки.

* * *

– Ну здравствуй, здравствуй, так вот ты какой, примерно так я себе и представлял. Ничего, что я на «ты»? Ничего, ничего? Я со всеми на ты, в английском, например, «вы»

нет, и очень правильно. Все люди, как говорится, братья. Но штука в том, что есть среди них младшие и старшие. Согласен, есть ведь?

Сосиху-Зашкваркин сочится энергией. Заводной мужик с харизмой, и кабинет у него такой же. В углу висит боксерская груша с его собственным портретом, на стенах плакаты «Секс Пистолз» и фотографии блюющего Сида Вишеса. Над головой Сосиху, словно нимб, расположился триптих знакомых портретов – слева Медведев, справа Путин, посередине все тот же Сид Вишес. Хозяин кабинета облачен в ярко-красные джинсы и желтую майку, на которой крупно написано «Желтая майка лидера». Сосиху расчетливо косит под анархиста и бунтаря. Одно дело, если, скажем, сто миллионов долларов есть у скучного дядьки в дорогом итальянском костюме и английских лакированных туфлях, а другое – если у бунтаря в красных джинсах. Это уже не сто миллионов, а как минимум двести. Мы с ним одного примерно возраста, около сорока, и все друг про друга понимаем. Сегодня ручку продаю я, поэтому он будет куражиться, моя же роль восхищаться его выкрутасами. Я и восхищаюсь.

– Согласен, – отвечаю на ребром поставленный вопрос. – Все люди братья, ну или сестры, скажем. Братья на земле есть, а братства нет, и равенства тоже нет. Бог создал людей неравными. От этого вся движуха и происходит. Поэтому, может, как младшему брату, мне стоит называть вас на «вы», Михаил Валентинович?

– А почему ты младший? – одобрительно, но все же опасаясь глубоко зарытой издевки, спрашивает Сосиху.

Я развеиваю его сомнения, как могу.

– Вы мне больше нужны, чем я вам, следовательно, я младший. Любая иерархия так определяется, вот, например, Путин нужен всем, а Путину нужны не все, да никто в принципе, сам с усам, поэтому он и Путин.

Хозяин кабинета, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, дергано улыбается, но все-таки не выдерживает и ржет, утирая наворачнувшиеся на глаза слезы. Ему очень смешно, так смешно, что смех его через несколько секунд переходит в совсем уж неприличное хрюканье. Но он молодец, он не стесняется никого, этот хозяин кабинета. С другой стороны, а кого ему стесняться, меня, что ли?

– Ой уморил, ой здорово ха-ха-ха... сам с усам... Путин всем, а ему не все, ну ты даешь, младший... ха-ха-ха...

Сосиху смеется, и я расслабляюсь, выдыхаю я и впитываю в себя его хрюканье. Как перезвон хрустальных колокольчиков оно для меня. Последний раз так радовался чужому смеху в классе восьмом или девятом, когда Анька Поливанова, тайная моя зазноба с начальной школы, впервые благосклонно на меня отреагировала. Вот, оказывается, как все просто, немного лести, немного юмора – и в дамки, а я боялся... Правильно боялся, Сосиху не малолетняя дурочка Анька, его так просто не возьмешь. На самой высокой ноте своего веселья он резко обрывает смех и злобно спрашивает:

– Умный ты такой, понятливый, хваткий, а чего бизнес продаешь тогда, раз такой умный?

Это похоже на автомобильную катастрофу. Однажды я въехал в фонарный столб на скорости восемьдесят километров в час. Вот примерно такие же ощущения, только ремней и подушки безопасности нет. Я в шоке, мордой о лобовое стекло, это не очень-то... Хуже, чем о лобовое стекло, о реальность шваркнулся, большее это намного. Ну ничего, и не такие удары переживать приходилось. Подушки безопасности только для езды, в жизни подобные причиндалы не предусмотрены, и ничего, жив пока... Через пару секунд я уже знаю, что ему ответить, но знания своего обнаруживать не тороплюсь. Пускай порадуется гад, пусть почувствует свое превосходство над бедным продавцом ручек. Съесть столько дерьма в жизни, сколько он, и не получить хотя бы маленькой и по-человечески понятной компенсации, это даже несправедливо. Ничего, продам ему ручку и тоже буду кайфовать, строить из себя ков-

боя и гуру бизнеса. Кайф заслужить нужно, в том числе и таким способом. Выдержав достаточно, по-моему мнению, паузу, я произношу свой ответ многоопытному проходимцу:

– А кто сказал, что я умный? Я такого не говорил, вы сказали. Дурак я, если честно, дурак, что продаю, и вдвойне дурак, что так дешево. Вы умный, Михаил Валентинович, купить за копейку то, что грош стоит, безусловно, умный поступок. Но и меня можно понять, одна глупость тянет за собой другую. Дурак я трижды, что вообще ввязался в это дело. Нет, дело-то хорошее, прибыльное. Но ротик у меня оказался маловат для такого куска, не пережевал, поперхнулся, поэтому и продаю дешево.

– А у меня, значит, ротик по размеру?

– Нет, не по размеру, больше он у вас гораздо, для вас мой бизнес тьфу, семечки пощелкать...

Это я хорошо ввернул про величину его пасти. Не будет же он присоединяться к ничтожествам с маленькими цыплячьими клювиками. Цуцванг у него, только вперед остается переть, и каждый его ход приближает меня к продаже ручки и опостылевшего бизнеса.

– Слушай, а почему так? – как бы недоуменно спрашивает Сосиху. – Возраст у нас одинаковый, бэкграунд за плечами похожий, я справки наводил. И сам ты парень не глупый, сразу видно. А ротик у тебя намного меньше моего.

Он думает, что вывернулся, улыбается победоносно и ехидно заглядывает мне в глаза. Фиг ему, не знает он, что я неделю настраивал себя на эту встречу. Медитировал, убеждал свою совесть, успокаивал нервы и искал моральные оправдания. У меня трюк в запасе есть, козырной туз в рукаве. Мне ничего не стыдно. И даже признаться, что я маленький обосравшийся мальчонка, и что моя пиписька намного короче его, и что встает она с большим трудом и то сразу падает. Пожалуйста, все, что угодно за ваши деньги. С самого начала я предполагал, что без унижений наше знакомство не обойдется. Молва о Сосиху-Зашкваркине тиране и деспоте бежала впереди него, и я подготовился. Я представил себе, что бессердечные бандиты украли моих детей и я молю босса мафии отпустить их. Это не так уж далеко от истины, между прочим, мое и их будущее решается здесь и сейчас, в этом кабинете. А ради детей, как известно, можно вынести все. Только непонятно, зачем люди их рожают. Чтобы тонны дерьма на своих плечах перетаскивать? Но дети вырастут, родят собственных детей, и история повторится. Если сократить немножко формулу, в сухом остатке остаются сгорбленные плечи и придавливающее их к земле дерьмо. Так выходит? Нет, плохая мысль, не сейчас, не нужно... Я отбрасываю накотившие сомнения и бодро, по-пионерски, с точно рассчитанной пропорцией наглости и смирения отвечаю:

– Если бы я знал, почему так, то отрастил бы себе хлебало побольше вашего, Михаил Валентинович. Не знаю, к сожалению. Расскажите. Бизнес можете не покупать, черт с ним. Купите – хорошо, не купите – ладно. Но я сюда пришел именно за этим секретом. Расскажите, ну что вам стоит...

Все успешные люди, которых я знаю, очень любят рассказывать о своей успешности. Хлебом их не корми, дай о своей успешности рассказать. Мол, через тернии к звездам, не сдаваясь и преодолевая всяческие трудности. Особенно они любят вещать о своих успехах менее успешным людям. Не то чтобы неудачникам, но стоящим на нижних ступеньках лестницы успеха. О, в этом случае павлиний хвост раскрывается во всей красе! В жизни успешных людей отсутствуют такие понятия, как случайность или удача, только труд, ум, изворотливость, упорство и снова тяжелый, каторжный почти труд с нечеловеческим упорством. Даже если в начале своей карьеры успешный человек выиграл миллион долларов в лотерею, все равно это не случайность, а закономерные плоды упорного труда и недюжинных умственных способностей. Хочешь расположить к себе успешного человека, спроси его, как он стал успешным. Хочешь сделать его врагом, скажи – да плевать мне на твой успех с высокой колокольни. Денег просить у успешного человека бессмысленно. Он потому и такой

успешный, что денег просто так не дает. Только в обмен на любовь и признание его жизни, полной высокого смысла. И то не всегда, а когда думает, что помимо любви еще и на грош горсть пятаков купить можно. Я изучил успешных людей во всех подробностях. Я сам такой и иногда с усмешкой гляжусь в зеркало, замечая в себе классические черты успешности. Глупость, самодовольство, ощущение, что Бога за бороду поймал и в карман себе засунул. Но небеса ко мне безразличны. Любят они меня или ненавидят, большой вопрос, но каждый раз, когда я раздуваюсь от гордости, уверенности в себе и в своих несомненно выдающихся способностях, с небес на меня что-то валится. Что-то не очень хорошее, дурно пахнущее, как правило, тяжелое, колючее, но и сдирающее одновременно с меня едва успевшую прирасти к телу тонкую, блестящую, такую вожденную и такую смешную кожу успешности. Вот и сейчас... вот и сейчас...

Увлечшись рассуждениями о природе успешности, я не заметил, как Сосиху-Зашкваркин начал отвечать на мой вопрос. Не много потерял, все стандартно. Примерно вот так: бедный студент из семьи рабоче-крестьянской интеллигенции в начале девяностых пытается торговать шмотками на вещевом рынке в Лужниках. Бандиты отнимают у него товар, но он не сдаётся, работает у бандитов продавцом на рынке, реализует у него же отнятые шмотки. И отнятые шмотки других бедных студентов реализует. Бандиты страшные, но тупые, а он симпатичный и оборотистый малый. Дело идет, расширяется, из вещевого рынка трансформируется в небольшую сеть магазинов одежды. И у него там есть небольшая доля. У бедного студента оказались стальные яйца и работающий со скоростью пули мозг. Он первым додумался заказать в Китае чехлы для только что появившихся мобильных телефонов. Бандиты тем временем перестреляли друг друга, зато воспряли духом и набрали силу всевозможные силовики. На таможне арестовывают огромную партию товара, вымогают бешеные деньги за растаможку, но он не сдаётся, он никогда не сдаётся. Продолжение следует...

Сосиху заливаются соловьем, тетеревом на току кудахчет, вставить слово невозможно. Он ничего не слышит, он поет песнь своей жизни, в тысячный раз он оправдывает ее, и ему нужно от меня, в принципе, немного: любовь, понимание и восхищение. Всякая живая тварь нуждается в любви. И даже Сосиху. Проститутки дешевле жен и любовниц, бесппроблемнее намного, зачастую значительно моложе и красивее, однако же тысячи лет мужчины женятся и заводят любовниц. Потому что у проституток нет даже иллюзии любви, а у жен и любовниц есть. Я жена сейчас, возлюбленная для Сосиху, я слушаю его внимательно и своим ласковым взглядом смазываю еле его полученные на пути к успеху кровоточащие раны. Он уже забыл, что за деньги я... Бедные глупые мужики всегда об этом забывают. А я помню, я все помню. За моими мироточущими глазами холод и математика. Я точно понимаю, что воззванием к человеческим чувствам и жалости ручку Сосиху не продашь. Тщеславие, скорее всего, самый подходящий вариант, что-то вроде изобретенной мною в приемной ручки с доступом в Интернет для трансляции миру великих мыслей великого человека. А если не сработает, дожать можно, уперев шариковое острие ему в шею. Ничего не поделаешь, такой он уж человек. И мир, сделавший его таким, такой же, и я...

Внезапно я отчетливо, физически почти ощущаю себя подлецом и негодяем. От отвращения к себе нестерпимо хочется блевануть. Я даже прикрываю рот рукой, якобы закашлявшись.

Несчастный Сосиху замечает мой неловкий жест и резко комкает свое самозабвенное курлыканье. Он чувствует, он замечает, выглядит нелепо и растерянно.

— Как-то так, как-то так... — говорит задумчиво. — Все в таком роде... Но надо же и о делах поговорить... По поводу сделки...

Мое отвращение к себе распространяется на весь мир. Весь мир подл, жалок и нелеп. Он, я, Сити, где мы с ним находимся, пятнадцатимиллионный город Москва, Россия, Америка, Европа... Напридумывали себе фетишей, тратим жизнь неизвестно на что, впариваем

друг другу ручки и думаем, что в этом и есть основной смысл бытия. И портимся. Я физически чувствую, как тухну. Рыба гниет с головы, а мир с меня. От меня исходит невыносимый, резкий запах, но я полюбил дерьмо. Я даже не пытаюсь чистить авгиевы конюшни. Дерьмо так легко использовать, особенно в других, только для этого самому дерьмом стать нужно. И я стал. Самое подлое, что параллельно с этими грустными мыслями, на другом и, похоже, более высшем этаже моего сознания возникают и думаются сладко совсем другие, шустрые и упругие мыслишки. «Это ничего, что он заметил, как я чуть не блеванул, – радуюсь про себя. – Не страшно. Забудет он через пять секунд, невозможно ему помнить, эго раздутое не позволит. Не может же он признать, что его жизнь блевоту вызывает». Что-то со мной не то сегодня происходит. Ответственность, видимо, плющит и сминает ранее прочные перегородки. Никогда такого не бывало, жил в ладу с собой. Разные, конечно, идеи возникали. Иногда и одновременно. Но существовали они во мне, ничуть друг другу не мешая. Как соседи в современной элитной многоэтажке. Здороваются по утрам вежливо и, возвращаясь с работы, кивают, а что происходит за бетонными стенами квартир, никого не волнует. Невежливо волноваться. Не культурно. Все современные воспитанные люди так живут. Это называется не подпускать близко к сердцу. Близко к сердцу сейчас только деньги подпускать принято. И правильно, как говорил Шарапов в «Место встречи изменить нельзя», «ты сберкнижку сейчас давай, она мне сердце греть будет, когда Фокса с кичи выручать пойдем». Рушится что-то во мне, ломается, высокие мысли перемешиваются с низкими, я пью получившийся коктейль, ощущаю гнилой вкус своей жизни, и меня выворачивает наизнанку. Надо собраться, надо обязательно собраться. Сейчас он предложит продать ручку, и нужно быть готовым. Зажать нос и сделать. Сделать это в последний раз, чтобы уже потом никогда не зажимать нос. Я вслушиваюсь в сливающееся бормотание Сосиху, и очень вовремя. Наступает финальная часть наших с ним тараканьих бегов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.